

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

(1839—1889)

ВОЗСОЕДИНЕНІЯ СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ ЦЕРКОВІЮ

ЗАПАДНО-РУССКИХЪ УНІАТОВЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРГЪ

ПРОТОІЕРЕЯ ІОАННА НАУМОВИЧА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1889

ИСТОРИЯ

(1833—1881)

РОССІИ

ВЪ ПЕРІОДЪ

ИСТОРИИ

ПРОСВЕЩЕНІЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1881

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

(1839—1889)

ВОЗСОЕДИНЕНІЯ СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ ЦЕРКОВІЮ

ЗАПАДНО-РУССКИХЪ УНІАТОВЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ПРОТОІЕРЕЯ ІОАННА НАУМОВИЧА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ СУНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ

1889

ИЗДАТЕЛЬСТВО

(1889—1890)

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, Марта 31 дня 1889 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

1889

МИТРОПОЛИТЪ ІОСІФЪ СЪМАЛІНСКО

МИТРОПОЛИТЪ ИОСИФЪ СЪМАХКО.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

ВОЗСОЕДИНЕНІЯ ЗАПАДНО-РУССКИХЪ УНІАТОВЪ.

Въ 1839 году, т. е. 50 лѣтъ тому назадъ, совершилось въ западно-русскихъ областяхъ великое и славное событіе, извѣстное подъ названіемъ «*возсоединенія униатовъ*» съ прародительскою ихъ восточно-православною церковью. Возсоединеніе значитъ то, что издавна единое, а потомъ разорванное, опять соединилось. Со времени крещенія нашей Руси при равноапостольномъ Князѣ Владимірѣ, въ 988 году, предки наши были православными, принявши христіанскую вѣру отъ грековъ, и оставались такими на всемъ пространствѣ русской земли, пока въ 1596 году не разорвана была связь нашей церкви въ западно-русскихъ странахъ съ восточно-православною церковью, разорвана незванными пришельцами изъ запада, навязавшими нашимъ отцамъ *унію*, т. е. соединеніе съ западною, такъ называемою римско-католическою церковью. Но такую противную нашимъ праотцамъ унію они приняли, и то далеко не всѣ, не добровольно, не по убѣжденію, напротивъ, они жертвовали всѣмъ, нерѣдко даже своею жизнью, защищая прародительскую свою вѣру; приняли унію только тѣ, которыхъ одолѣвали насиліемъ. Но заведенное лестью и насиліемъ чужими людьми, заведенное не ради истины Христовой и спасенія душъ, а ради властолюбія римскихъ папъ и ради политическихъ расчетовъ бывшей польской республики, сейчасъ же стало падать послѣ соединенія литовско-русскихъ областей Польши съ Россіей, сохранилось только въ остаткахъ и то только до тѣхъ поръ, пока не явились во главѣ уніатской церкви мужи, исполненные апостольскимъ духомъ, открывшіе глаза народу и призвавшіе его къ поголовному *возсоединенію*, т. е. возвращенію дѣтей одной матери

церкви на ея святое лоно. Такимъ апостольскимъ мужемъ былъ покойный епископъ, а послѣ митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, со своими сподвижниками, трудами которыхъ совершилось при покойномъ Государѣ Николаѣ Павловичѣ *возсоединеніе* съ древнею православною церковью всѣхъ западно-русскихъ областей, до границы бывшаго царства польскаго по рѣку Бугъ.

Празднуя радостную память возсоединенія, мы должны знать подробно, что такое *унія*, какъ она началась, кто и почему навязалъ ее нашимъ предкамъ, принесла ли она намъ добро или зло, какъ и почему она прошла и болѣе уже не существуетъ на цѣломъ пространствѣ Русской Имперіи.

Унія-латинское слово, оно означаетъ *единство*. Казалось бы, это дѣло хорошее, зачѣмъ же не дорожить имъ? Вѣдь самъ Спаситель прежде отшествія Своего на вольную смерть молился объ ученикахъ Своихъ: *«да вси едино будутъ»*. И можетъ кто либо спросить: какъ же можно считать унію зломъ?

Да, дорогіе братья, унія т. е. *единеніе* всѣхъ христіанъ было дѣйствительно съ первыхъ вѣковъ въ христіанской церкви, оно продолжалось 800 лѣтъ съ излишкомъ; всѣ христіане всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ, были соединены одною вѣрой и любовью. Одинъ Богъ во Троицѣ, одинъ Сынъ Божій Спаситель, одно крещеніе, одни всѣ таинства, одно евангеліе, одно ученіе соединяло всѣ христіанскіе народы всѣхъ языковъ и обрядовъ, въ одну святую, соборную и апостольскую церковь, главою которой былъ Христосъ, а кромѣ Него, общавшаго быть съ ними *до скончанія вѣка*, не могло быть другой главы и не было; церковь же была соборная, въ которой пребывалъ Духъ Святой по словамъ Спасителя: *и Азъ умолю Отца и много Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами во вѣкъ, Духъ истинны, той вы научитъ всему* (Іоанн. 14, 26). И такъ какъ обѣтованный Утѣшитель въ день Пятидесятницы въ Іерусалимѣ снишелъ на *всѣхъ* апостоловъ одинаково, въ видѣ огненныхъ языковъ, и они *всѣ* исполнились Духа Святаго, то также дѣйствовалъ Духъ Святой и въ *соборной* Христовой церкви, которою управляли вселенскіе соборы.

Вы слышите, дорогіе братья, что въ нашей восточной Православной Церкви почитается память и такихъ святыхъ, которые были *папами римскими*. Въ нашей Церкви служится литургія Гри-

горія Двоеслова, *бывшаго папой римскимъ*, мы почитаемъ свв. Климента, Сильвестра, Льва, Григорія Великаго и друг. *римскихъ папъ*, хотя мы не признаемъ нынѣшнихъ папъ главами церкви. Отъ чего это такъ? А вотъ отъ того, что папы первыхъ восьми вѣковъ жили *въ соединеніи со всею вселенскою церковью*, они не были и не считали себя главами вселенской церкви, а только патріархами запада, равными другимъ патріархамъ, которыхъ всѣхъ было пять, именно: іерусалимскій, антиохійскій, александрійскій, константинопольскій и римскій. Папы первыхъ вѣковъ не только не думали о главенствѣ и господствѣ надъ другими церквами, но папа Григорій I Великій, жившій въ концѣ VI столѣтія, написалъ къ Іоанну Постнику, патріарху Константинопольскому, что всякаго патріарха, который звался бы вселенскимъ и придумалъ бы возвысить свою власть надъ другими патріархами, нужно считать антихристомъ.

Тогда не было разницы между христіанами, такъ какъ у всѣхъ была *одна вѣра и одно ученіе*, а только разница бывала въ обрядахъ и обычаяхъ, не мѣшающая единству вѣры въ вселенской церкви. Тогда если пріѣхалъ христіанинъ изъ Іерусалима или Антиохіи, вообще съ востока въ Римъ, онъ встрѣчалъ тамъ братскую любовь. Если онъ былъ священникомъ, онъ служилъ въ римскихъ храмахъ; если мірянинъ, онъ могъ пріобщаться тѣла и крови Христовой, не видя никакой разницы, такъ какъ тогда и въ Римѣ пріобщались и міряне святымъ тайнамъ *подъ двумя видами хлѣба и вина*; а пріѣхалъ римлянинъ на востокъ, онъ находилъ тамъ одну вѣру и одни любящія сердца всѣхъ христіанъ. Это была *унія* истинная, такая, какую заповѣдалъ Христосъ, но никто не называлъ себя уніатомъ, не было разницы между католиками и православными, такъ какъ не было раздора. Каждый христіанинъ былъ и православнымъ, значитъ, сохраняющимъ чистую древнюю апостольскую вѣру, утвержденную вселенскими соборами; былъ и каеоликомъ, значитъ, принадлежащимъ къ одной святой вселенской церкви, *общей* всѣмъ христіанамъ.

Такъ было съ начала и такъ продолжалось до половины девятаго столѣтія. Тогда папа Николай I, въ грамотѣ къ Царградскому патріарху Фотію объявилъ новое, неслыханное въ церкви Христовой ученіе, что римская церковь, по преимуществу, полу-

ченному апостолу Петру, *есть глава всѣмъ другимъ церквамъ*, и что каждый христіанинъ во всемъ мірѣ долженъ безусловно повиноваться ея опредѣленіямъ. Тогда осудилъ папа новоизбраннаго Константинопольскаго патріарха Фотія и написалъ къ греческимъ епископамъ, чтобы они не допустили избранія Фотія.

Тѣмъ письмомъ папы Николая положено было начало раздора... До тѣхъ поръ никогда еще не слышала вселенская церковь о главенствѣ *одной римской* церкви надъ всѣми церквами.

На такое письмо не получилъ папа Николай никакого отвѣта. Вскорѣ папа возобновилъ свои притязанія. Онъ прислалъ обратившемуся въ христіанство болгарскому царю Борису грамоту, въ которой превозносилъ римскую вѣру и порицалъ *древніе* уставы вселенской церкви и восточную обрядность. Трудно было патріарху Фотію оставлять безъ отвѣта такіа дерзости и обиды. Онъ послалъ окружное посланіе къ всѣмъ восточнымъ епископамъ и созвалъ въ Константинополь соборъ, на которомъ общимъ рѣшеніемъ всѣхъ папа признанъ былъ недостойнымъ епископскаго престола и общенія съ нимъ и преданъ анаемѣ.

Таково было начало раздора; чтобы описать дальнѣйшій его ходъ, нужно написать толстую книгу. Но уже изъ этого можетъ каждый изъ васъ, любезные братья, понять, кто разорвалъ древнее единеніе церквей, Востокъ ли, державшійся и до сихъ поръ держащійся установленій вселенской церкви, или римскій папа Николай I, провозгласившій *новое ученіе о главенствѣ римской церкви?* Но окончательный разрывъ между двумя церквами восточною и западною не послѣдовалъ такъ скоро. Восточная церковь считала послѣдній разрывъ не съ западною церковью, съ которой соединяли ее узы давняго единенія, а только съ папой Николаемъ I, противъ котораго выступили и западные іерархи, особенно Гинкмаръ Реймскій, за отступленіе его отъ древняго православія. Только, когда Николай I, желая утвердить свою власть надъ вселенской церковью, прибѣгъ къ хитрости, и сослался на поддѣланную книгу папскихъ постановленій (Исидоровы декреталіи) и обманулъ ею западныхъ епископовъ, а преемники его продолжали начатое имъ дѣло утвержденія своего главенства на основаніи тѣхъ же *ложныхъ* декреталій, когда всѣ попытки восточныхъ патріарховъ и греческихъ императоровъ къ примиренію церквей въ

духъ кротости и любви оказались тщетными и папы пожелали не *пиримренія*, а просто *подчиненія* и *покоренія*, состоялось совершенное и окончательное раздѣленіе церквей въ XI вѣкѣ при константинопольскомъ патріархѣ Михаилѣ Керуларіи. Съ этого времени папы отдѣлили Римъ отъ вселенской церкви, отложились отъ ея духа кротости, любви, и смиренія, и преобразовали западную церковь въ церковь воинствующую мірскими силами и сдѣлались папами царями съ мірскимъ владѣніемъ, съ несмѣтными богатствами и роскошью, съ войскомъ и властью, дошедшею до того, что они раздавали царскіе вѣнцы, а подданныхъ непокорныхъ имъ царей разрѣшали отъ присяги на вѣрность. Не словомъ евангельскимъ, а мечемъ и огнемъ они обращали въ свою вѣру языческіе народы, проливая кровь безощадно. И было такое время, что цари повиновались папамъ во всемъ, и платили имъ огромныя подати. Это наконецъ надошло царямъ до того, что нашелся такой смѣлый императоръ, Генрихъ IV, который отважился противиться папѣ Григорію VII. Но въ тогдaшнее время народы запада были погружены въ такой мракъ заблужденій, что не только не поддержали своихъ государей, но возстали на нихъ, и императоръ Генрихъ IV долженъ былъ, какъ нищій, босикомъ, три дня ждать на дворѣ папскаго замка въ Каноссѣ разрѣшенія отъ анаѣмы.

Но гордымъ Богъ противится. Тотъ же Григорій VII умеръ въ изгнаніи. Не изгнана однако была гордость изъ римской церкви. Въ 1095 г. начались крестовые походы для покоренія магометанъ, отъ которыхъ въ святой землѣ очень много страдали христіане. Набрались несмѣтныя толпы людей всякаго рода, больше всего разбойниковъ, воровъ, вообще людей алчныхъ, искавшихъ легкой наживы, и толпы эти двинулись на востокъ освободить святыя мѣста. Папа Урбанъ II держалъ къ нимъ въ Пьяченцѣ такую рѣчь: «Вы, обидчики вдовъ и сиротъ, вы хищники, убійцы, и главные враги, которые находите наслажденіе въ кровопролитіи; смотрите: вотъ минута, когда вы можете показать, есть ли въ васъ мужество, воины ли вы, или хищные звѣри, какими вы оказывались доселѣ»...

И такія то голодныя, хищныя толпы подъ знаменемъ Христа налегли на Греческую имперію и начали свои подвиги грабежемъ мирныхъ православныхъ жителей, которымъ хуже было отъ этихъ

христіанскихъ защитниковъ, чѣмъ отъ самихъ турокъ. Папа Иннокентій III послалъ въ Константинополь своего патріарха Оому и множество латинскихъ монаховъ и прелатовъ, представляя себѣ *десятину отъ всѣхъ плодовъ, пятнадцатую часть всѣхъ недвижимыхъ имѣній* и право наследовать по завѣщанію имѣнія отъ свѣтскихъ лицъ. Кромѣ сего папа предписалъ епископамъ, чтобы не признающихъ его главою церкви громили всѣми ужасами, и епископы употребляли самыя жестокія средства для принужденія греческихъ поселянъ къ принятію латинскаго вѣроисповѣданія. Легатъ папскій Пеласгъ, окруживъ себя безмѣрною роскошью и облекшись въ пурпуровую одежду, былъ непримиримымъ врагомъ восточной церкви и безъ милосердія гналъ тѣхъ, которые отказывались принимать латинство. Греческіе священники и монахи были предаваемы жесточайшимъ истязаніямъ и заключаемы въ темницы, а церкви запирались. Такъ описываютъ это время сами латинскіе историки.

Папа Иннокентій III предалъ анаемѣ всю восточную церковь, и тѣмъ, которые будутъ сражаться *противъ грековъ*, торжественно обѣщалъ тѣ самыя индульгенціи, которыя давались за войну съ сарацынами. Завладѣвъ Палестиной и Сиріей, римскіе прелаты сейчасъ прогоняли православныхъ епископовъ и священниковъ, и не признающихъ надъ собою власти папства убивали, вѣшали, сожигали. Въ Архипелагѣ, въ Антиохіи и въ Іерусалимѣ латинскіе прелаты лично присутствовали *при сожиганіи мучениковъ*.

Но не долго заставили себя ждать горькіе плоды такого несогласнаго съ духомъ христіанства владычества папъ. Латинскія завоеванія на Востокѣ пали; явились въ самой римской церкви реформаторы: Виклефъ, Лютеръ. Разбилась римская церковь на разныя ереси. Не помогли ни кровавыя инквизиціи, ни сожиганія еретиковъ. Отпали отъ папства большая часть Германіи, Данія, Швеція, Англія, и въ саму Польшу шло лютеранство и увлекало къ себѣ и польское и литовское дворянство. Папство, пораженное въ своемъ дому, стало искать для себя новой почвы—на востокѣ. Тогда возникла мысль о приведеніи въ дѣйствіе церковной уніи съ Литвой и западной Русью, и объ этомъ слѣдуетъ намъ въ виду настоящаго торжества пятидесятилѣтія воссоединенія по-толковать пространнѣе.

I.

Какъ произошла и какимъ образомъ введена была въ западно-русскихъ областяхъ иезуитская унія?

Не легко было римскому престолу справиться съ лютеранствомъ. Уже знаменитый чешскій проповѣдникъ Иванъ Гусъ указывалъ на восточную православную церковь, какъ на неизмѣнно стоящую при апостольскихъ преданіяхъ, и высказывалъ къ ней большое уваженіе. Всѣ же реформаты, возстававшіе противъ папства, доказывали, что въ такомъ видѣ, въ какомъ тогда представлялась римская церковь съ царемъ-папой во главѣ, съ ужасными ея злоупотребленіями при выжиманіи денегъ изъ народовъ разными индульгенціями, при ненасытимой ея гордости, не можетъ быть представительницей древней, первоначальной апостольской церкви, тѣмъ болѣе, что уже въ 9-мъ столѣтіи она отдѣлилась отъ восточной церкви, съ которой была съ начала соединенной. Это былъ тяжелый укоръ папству. Царство само въ себѣ раздѣлившееся стоять не можетъ, а должно непремѣнно пасть. Мечъ, которымъ папы обыкновенно спасали свою власть, не могъ дѣйствовать, такъ какъ его не хотѣли поднимать за папъ цари, бывшіе прежде вѣрными ихъ слугами. Многіе изъ нихъ стояли уже именно во главѣ протестантства. Не могла уже дѣйствовать ни инквизиція, ни костры, тамъ, гдѣ вся масса народа насыщена была враждебнымъ для папства духомъ. Папству остались вѣрными только народы романской расы, именно: Италія, Испанія и отчасти Франція. Вѣрны имъ были и польскіе короли, не столько по убѣжденію религиозному, сколько по видамъ политическимъ своего государства. Въ Польшѣ еще со временъ литовскаго князя Ягайлы, женившагося на польской королевицѣ Ядвига и изъ православія *вторично* крещеннаго въ католичество, начала въ литовско-русскихъ земляхъ дѣйствовать католическо-польская пропаганда, и католическіе ксендзы внушали королямъ и дворянству, что Польша только тогда можетъ быть сильна, если православная Русь и Литва обращены будутъ въ католицизмъ. Съ такой цѣлью навязывала Польша Литвѣ и

Руси разныя политическія уніи или соединенія. Первая состоялась при Ягайлѣ въ 1386 году, вторая была въ Городлѣ въ 1413 году, называемая Городельской, третья въ Петроковѣ въ 1499 году, а четвертая въ Люблинѣ въ 1569 году. Всѣ эти уніи были политическія, но они имѣли и церковное значеніе: открытъ былъ путь въ русско-православныя области польско—католической шляхтѣ и римской пропагандѣ. Последняя, именно Люблинская унія, была уже смѣлымъ шагомъ къ осуществленію католическо-польскихъ намѣреній—совершеннаго окатоличенія и ополяченія литовско-русскихъ земель. Недоставало еще церковной уніи; явилась и она въ 1596 году.

Еще раньше Люблинской уніи, именно въ 1564 году пригласилъ ученый архіепископъ Вармійскій и кардиналъ римской церкви Говіи іезуитовъ для противодѣйствія протестантству. Оттуда разбрелись они и по Литвѣ, и, притворившись безвинными агнцами, старались вездѣ расположить къ себѣ народъ, прежде же всего высшія и богатія сословія.—Притворяясь безвинными агнцами, они имѣли видъ безкорыстныхъ учителей и религіозныхъ подвижниковъ, неутомимыхъ въ трудѣ, въ молитвѣ, въ постахъ, въ проповѣди слова Божія. Лютеранъ, которые хорошо знали ихъ притворство, и бранили ихъ, они благословляли и молились за нихъ, не воздающе съ начала зломъ за зло, а терпѣе всякую укоришну будто по евангельски. Такимъ видомъ святости они обратили многихъ принявшихъ протестантство опять въ католицизмъ.

Размѣстившись по дворянскимъ польскимъ, а затѣмъ и русскимъ православнымъ домамъ, они старались изучить православіе, на сколько оно сильно, и узнать о нѣкоторыхъ его недостаткахъ и злоупотребленіяхъ. Они узнали, что оно слилось съ жизненно православныхъ неразлучно, и что переходъ отъ православія въ латинство крайне труденъ, особенно въ низшихъ слояхъ народа. Потому довольствовались они вліяніемъ на молодежь дворянскихъ родовъ, и особенно на женщинъ, которыя должны были дѣйствовать на своихъ мужей. Такъ удалось имъ обольстить многихъ, и были въ средѣ православнаго дворянства многіе колеблющіеся, многіе попали въ ихъ сѣти и пропали для православія.

Принявшіе латинство устраивали въ своихъ комнатахъ часовни, въ которыхъ служили іезуиты—устроивши все преизящно и привлекательно, такъ что православная церковь съ своимъ

простымъ пѣніемъ, съ не всегда хорошо писанными иконами, съ своимъ убожествомъ казалась ниже латинской не только для вельможей и ихъ семействъ, но и для ихъ слугъ, слышавшихъ постоянно похвалы римскихъ обрядности въ разговорахъ и въ неумимыхъ проповѣдяхъ иезуитовъ. Всѣ малообразованные, а такихъ было много, видѣли въ иезуитахъ людей высокообразованныхъ, какими они бывали только на видъ, которыхъ образованіе заключалось въ многоглаголаніи, въ напыщенныхъ изученныхъ фразахъ и театальной декламаци, способной вызывать въ слабыхъ людяхъ слезы, въ чемъ состояло именно главное ихъ искусство. Съ сердечною, трогательной будто бы жалостью они относились къ несчастнымъ православнымъ, души которыхъ, говорили они, не смотря на праведную жизнь, будутъ горѣть въ неугасаемомъ огнѣ въ адѣ, потому, что онѣ видѣ церкви и отвергли ея главу. Описывать мученія ада составляетъ особое искусство иезуитскихъ проповѣдниковъ, при слушаніи которыхъ женщины плачутъ навзрыдь. Но когда уже до крайности растроганы сердца слушателей, иезуитъ съ театральнымъ искусствомъ указывалъ путь, на которомъ единственно можно спастись—на путь въ Римъ къ ключамъ апостола Петра, къ его ключарю папѣ, который одинъ имѣетъ власть открыть двери въ рай, или закрыть ихъ для незнавшихъ его въ жизни.

Снискавши такими способами довѣріе непросвѣщеннаго люда разныхъ сословій, они начали подвергать осужденію восточную обрядность, представляя ее не только простою потому, что служеніе бываетъ на церковно-славянскомъ языкѣ, понятномъ каждому простому вѣрующему, но и пагубною для душъ христіанскихъ. Названіе крестьянина «быдломъ», хамомъ, гудзомъ, мургой, мотузомъ и пр. только тамъ существуетъ еще до сихъ поръ, гдѣ была или есть унія. Изобрѣтателями такихъ прозвищъ были именно иезуиты, никогда не обращавшіе вниманія на простой народъ, и всегда только дѣйствовавшіе на высшія его сословія. По ихъ соображеніямъ народъ долженъ быть темный, чтобы всему вѣрилъ, и чтобы безусловно слушался пановъ; для народа не нужно ученія, только палка. Поэтому изъ иезуитскихъ воспитанниковъ выходили жесточайшіе мучители крестьянъ, безсовѣстные, безсердечные, какихъ нигдѣ не было кромѣ Польши. Нѣкоторые паны-шляхтичи даже стрѣляли крестьянъ и жидовъ такъ себѣ, для шутки, уплачивая за убійство крестьянина 100 злотыхъ т. е. 15 руб., а въ позднѣйшія польскія времена даже гораздо дешевле, до 3 руб.

Утвердившись въ домахъ православныхъ дворянъ, они нашли способъ дѣйствовать на умы самыхъ твердыхъ православныхъ. Излюбленнымъ для нихъ предлогомъ рѣчей была рѣчь о Евхаристіи, которую подъ двумя видами хлѣба и вина принимать они считали неприятнымъ, потому, что изъ одной чаши причащаются и благородные и простые крестьяне, хамы.

Это дѣлали они нарочно потому, что православные, слышавшіе на литургіи слова Спасителя: «пійте отъ нея (чаши) вси», считали причащеніе вѣрныхъ подъ видомъ одного хлѣба нарушеніемъ Божіей заповѣди. Такъ какъ іезуиты не могли устоять съ доказательствами о правильности приобщенія подъ *однимъ* видомъ хлѣба, то они и пускали въ ходъ разныя хитрости.

Православную церковь іезуиты представляли схизматическою, хулили православное богослуженіе, на православныхъ епископовъ и духовныхъ выдумывали всякія басни и пускали въ ходъ въ массу народа. Исповѣдь была для нихъ учрежденіемъ полицейскимъ. Они старались, особенно отъ слугъ, узнать обо всемъ, что происходитъ въ домахъ ихъ господъ, и пользовались этими свѣдѣніями для упроченія своего вліянія на общество, которое удивлялось ихъ пронизательности и боялось ихъ. На чувствительныя души, какъ уже сказано, они дѣйствовали ужасами ада. Можно себѣ представить, какъ тогда проповѣдывали іезуиты католицизмъ въ православныхъ странахъ подъ покровительствомъ польскихъ королей и польской шляхты, если въ недавнее еще время, именно въ 1863 году ихъ воспитанникъ изъ Рима, поставленный профессоромъ догматическаго богословія въ Львовскомъ университетѣ осмѣлился своимъ слушателямъ, воспитанникамъ русской духовной семинаріи, дословно читать слѣдующее: «Ecclesia schismaticorum est synagoga diabolorum, in eucharistia schismaticorum sedet ipse diabolus». (Церковь схизматиковъ (православныхъ) есть сборище дьяволовъ, въ евхаристіи схизматиковъ сидитъ самъ дьяволъ). Онъ же училъ, что дѣти священническія-незаконныя, такъ какъ священникъ долженъ быть безбраченъ, хотя самъ же онъ былъ сыномъ священника. Понятно, что въ прежніе вѣка считали такихъ учителей премудрыми проповѣдниками истины и слушали ихъ.

Такъ изучивши во второй половинѣ XVI столѣтія нашу православную церковь, іезуиты пришли къ убѣжденію, что въ виду распространяющагося въ Польшѣ протестантизма имъ невозможно сразу дѣйствовать на двѣ стороны, обращать протестан-

стантовъ и приступать къ совершенному окатоличенію западно-русскаго народа. Вотъ и придумали они создать только мостъ, по которому православные не сразу, а лишь со временемъ должны были пройти отъ востока къ западу, отъ православія къ настоящему латинству. Этимъ мостомъ была «унія».

Но чтобы ее привести въ дѣло, нужно было имѣть людей изъ самихъ же православныхъ, пользовавшихся благорасположеніемъ и уваженіемъ народа, а такихъ нужно было еще воспитать. Польскій король Стефанъ Баторій очень благоволилъ къ іезуитамъ. Онъ считалъ католицизмъ объединительнымъ средствомъ для своихъ подданныхъ, и снабжалъ іезуитовъ всевозможными средствами для этого дѣла. Ихъ коллегію въ Вильнѣ онъ возвысилъ на степень академіи; въ ней-то и должна была подготовляться русская православная молодежь для борьбы съ православіемъ и для введенія уніи повсемѣстно.

Когда между королемъ польскимъ Стефаномъ Баторіемъ и русскимъ царемъ Иваномъ Грознымъ вспыхнула война и приняла неблагоприятный оборотъ для Московскаго царства, Иванъ Грозный просилъ папу о посредничествѣ. Папа воспользовался этимъ случаемъ и послалъ своего легата іезуита Антонія Поссевина, надѣясь, что Посевину удастся склонить Ивана Грознаго къ принятію уніи съ Римомъ. Но царь отложилъ бесѣды о вѣрѣ до заключенія мира; когда же былъ заключенъ миръ, Иванъ Грозный и слышать не хотѣлъ объ уніи, и даже сталъ обличать папъ, зачѣмъ ихъ носить на носилкахъ, зачѣмъ у нихъ кресты на туфляхъ, это оскорбительно для знамени христіанства, такъ какъ не полагается носить креста ниже груди. Посевинъ возвратился изъ Москвы ни съ чѣмъ и написалъ, что, хотя дѣло уніи не удалось въ Москвѣ, но оставлять его нельзя, надобно приложить всѣ усилія, чтобы склонить къ принятію ея западно-русскихъ епископовъ. Разумѣется, папа согласился, и въ такомъ направленіи подѣйствовалъ и на короля Стефана Баторія, который и самъ мечталъ о томъ, чтобы разрушить преграду, отдѣлявшую Русь отъ Польши—именно православную вѣру.

Съ этою цѣлью началъ король дѣйствовать уже болѣе открыто и усердно. Іезуитамъ онъ отдалъ въ городѣ Полоцкѣ всѣ православные монастыри и церкви, и основалъ тамъ іезуитскую коллегію, для содержанія которой назначилъ богатые помѣстья. Такія коллегіи были основаны тоже въ Несвижѣ и въ Ярославлѣ (въ Галиціи). Вильна же съ своею іезуитскою академіей пользовалась самой

большой славой, и была дѣйствительно центромъ католической пропаганды на всю тогдашнюю Польшу. Кромѣ виленской академіи были еще разныя училища для дворянскихъ дѣтей и семинари, въ которыхъ іезуиты и ихъ помощники отравляли сердца молодежи ядомъ ненависти къ православной вѣрѣ, представляя ее хлопской вѣрой.

На одно только не обращали іезуиты вниманія, именно на сельскія народныя школы, которыя и тогда бывали у насъ почти при каждой церкви, и это было счастьемъ для православія. По іезуитскому пониманію, какъ выше сказано, народъ—«быдло». Иногда и нигдѣ они не старались его просвѣтить, не учреждали никакихъ народныхъ школъ, но только среднія и высшія; по ихъ правиламъ толпа народа должна быть темной, слѣпо повинующейся привилегированнымъ классамъ. На эти только классы они обращали все вниманіе и хлопотали у королей, чтобы эти классы снабжены были всевозможными привилегіями, стѣсняющими православныхъ, особенно духовенство и простой народъ. Іезуитство-учрежденіе аристократическое; презрѣніе къ массѣ народа—его отличительная черта. Іезуиты писали польскую исторію, возвеличивающую польскую шляхту; они писали родословія, которыми возбуждали страсть къ гербамъ польскаго шляхетства до того, что многіе стыдились своихъ родовыхъ русскихъ фамилій и переименовывали ихъ на польскій шляхетскій ладъ. Такъ: Мельникъ перемѣнялъ свою фамилію на Мельницкій, изъ Волка дѣлался Вильчинскій, изъ Сороки Срочинскій, и т. п.

Въ іезуитскихъ школахъ не-шляхтичъ не имѣлъ мѣста, а если и попадалъ, то былъ предметомъ насмѣшекъ. Изъ такихъ школъ выходили жестокіе мучители простаго народа, особенно, если это былъ православный народъ.

Дѣйствуя противъ православія своею академіею и школами, іезуиты въ тоже время содѣйствовали увеличенію силы и могущества шляхты разными привилегіями. Такою привилегіею было между прочимъ такъ называемое право презентачіи (*jus patronandi et praesentandi*), которое до сихъ поръ еще лежитъ тяжкимъ бременемъ на униатскомъ духовенствѣ въ Галиціи. Въ силу этого права священникъ зависѣлъ отъ воли помѣщика, въ имѣніи котораго онъ желалъ быть поставленъ духовнымъ пастыремъ. Безъ согласія такъ называемаго патрона, епископъ не могъ поставить приходскаго священника. Онъ долженъ былъ представить презенту, значить грамоту, что помѣщикъ ему даетъ приходъ подъ такими-

то условіями. Очень часто нужно было такую презенту покупать за деньги при посредничествѣ еврейскихъ факторовъ, и пр., что до сихъ поръ практикуется въ Галиціи. Хотя условія бывали иногда очень тягостныя, священникъ долженъ былъ на все соглашаться. Только въ послѣдствіи времени начали помѣщики писать на презентаціонныхъ грамотахъ обѣщаніе «*że z gruntów do pomienionej parochii należących xiądz N. N. do panszezyzny i innych danin pociąganych nie będzie, Iaśnie Wielmożnemu xiądzu biskupowi zaręczam*» (А что съ земли къ помянутому приходу принадлежащей, священникъ Н. Н. къ барщинѣ и другимъ повинностямъ не будетъ принуждаемъ, Вашему Пресвященству ручаюсь). Грамоты съ такими оговорками встрѣчаются еще теперь въ Галиціи у многихъ священниковъ; но они доказываютъ, что только священникъ, *принявшій унію*, свободенъ былъ отъ барщины, а какъ невыносимо было положеніе тогдашнихъ *православныхъ* священниковъ, можно себѣ представить. Такія привилегіи были весьма пригодны іезуитамъ въ ихъ антиправославной пропагандѣ. Легко ли могъ тогда священникъ безъ образованія, семейство котораго должно было работать барщину и жило въ крайней бѣдности, выступать на защиту православія, вездѣ и всеміи гонимаго и презираемаго?

Поэтому неудивительно, что въ числѣ воспитанниковъ іезуитскихъ изъ русскаго рода являлись многіе съ склонностію къ уніи, въ которой будто бы выходъ изъ невыносимаго положенія. Тѣмъ болѣе казалось измученнымъ гоненіями православнымъ, что унія не дурное дѣло, что она будто не отниметъ у народа дорогой его сердцу обрядности, а оставить ее въ цѣлости съ тѣмъ только условіемъ, чтобы замѣнить цареградскаго патріарха римскимъ папою. Но все таки нельзя сказать, чтобы такихъ слабыхъ вѣрою было очень много. Какъ среди русско-литовскаго дворянства, такъ и среди духовенства, любовь къ прародительской вѣрѣ тѣмъ болѣе проявлялась, чѣмъ съ большимъ усердіемъ и нахальствомъ дѣйствовали іезуиты. Понимали разумные люди русскаго рода всѣхъ сословій, что іезуиты не останутся на уніи, и что цѣль ихъ совершенно окатоличить и ополячить Литву и западную Русь, и уничтожить русскую православную церковь съ ея восточною обрядностію, что унія есть только первый шагъ къ такому уничтоженію. И опасенія ихъ были совершенно справедливы. Они видѣли, что какъ только іезуиты успѣвали пробраться въ дворянскіе дома въ качествѣ воспитателей молодежи и крѣпко усѣда-

лись, то ни словомъ не упоминали уже объ уніи, а *прямо* предлагали своимъ воспитанникамъ принимать католичество и *латинскую обрядность* (*nobiliorem ritum*), т. е. болѣе благородную обрядность, унія же должна была только морочить низшее духовенство и народъ и то только до тѣхъ поръ, пока вѣра въ папу, какъ намѣстника Христа и преемника апостола Петра не войдетъ въ его кровь и мозги, а тогда уже унія сама поведетъ къ латинству. Объ этомъ знали православные, и вотъ почему немногіе являлись отступники отъ древняго православія, и почему не такъ легко было іезуитамъ управиться съ православіемъ. Приготовляя унію, они издавали множество книжекъ, исполненныхъ фанатизма, и устраивали собесѣдованія. Ловкіе ораторы, обладающіе искусствомъ дѣйствовать на незрѣлые умы пустыми софизмами, а на чувства фарисействомъ, они пріобрѣтали послѣдователей и тѣмъ легче, что православные, защищающіе свои догматы, хотя и отличались наукой, знаніемъ священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ, но рѣдко обладали искусственнымъ ораторствомъ, и были совершенными неучами въ притворствѣ. Іезуиты говорили смѣло и громко, за ними стояла власть, шляхта и король, имъ можно было никого и ничего не бояться; православные приступали къ собесѣдованіямъ съ страхомъ, какъ гонимые, за ними стоялъ только темный народъ, «быдло», не имѣвшій тогда никакого голоса. Они, защищая православіе, должны были быть готовыми на всякаго рода гоненія и лишенія насущнаго хлѣба. Поэтому, видя невозможность убѣдить колеблющихся, они предпочитали не являться на такія собесѣдованія, и князь Курбскій не совѣтовалъ даже принимать въ нихъ участіе, а если говорить, такъ не съ крикунами, а только съ учеными.

Изреченіе божественнаго Спасителя: «*поражу пастыря и разойдутся овцы стада*» начало вскорѣ оправдываться на дѣлѣ. Такъ какъ ни о чемъ тогда не говорили, какъ только объ уніи, то уніей, такъ сказать, зараженъ былъ тогда самый воздухъ въ Вильнѣ, Полоцкѣ, Брестѣ, Луцкѣ, Холмѣ.

Одно лишь обстоятельство заставило іезуитовъ призадуматься. Въ то время, 1582 года, папа Григорій XIII ввелъ вмѣсто стараго никейскаго новый свой календарь, называемый теперь григоріанскимъ.

Іезуитамъ казалось, что это будетъ самымъ удобнымъ случаемъ оторвать Литву и Русь отъ ихъ связи съ востокомъ, именно, съ царградскимъ патриархомъ и съ восточною Россіей. Календарь,

хитро возглашали они, это еще не *вѣра*, это вещь совершенно невинная и вѣсѣмъ желательная, чтобы вѣсѣ христіане вѣсѣхъ вѣроисповѣданій вѣсѣ одни дни работали и вѣсѣ вмѣстѣ праздновали. Но православные иначе понимали объединеніе календаря. Они видѣли вѣсѣ этомъ первый шагъ къ уніи, даже больше, шагъ къ настоящему католицизму. «У насъ, говорили они, церковный календарь, установленный на тысячи лѣтъ, намъ нужно бы совершенно переработывать наши книги; но самое главное: мы не хотимъ отступать отъ того, что оставили намъ наши отцы. Если вы, говорили православные католикамъ, считаете это дѣло мало-важнымъ, такъ зачѣмъ же вамъ настаивать на немъ; оставьте насъ вѣсѣ покоѣ». — Но дѣло не кончилось на словахъ, а князь Константинъ Острожскій написалъ письмо къ патриарху Цареградскому, прося совѣта, что дѣлать, и получилъ отвѣтъ, чтобы никакъ не принимать григоріанскаго календаря, а держаться принятаго первымъ вселенскимъ соборомъ.

Кто знаетъ бытъ русскаго народа вѣсѣ тѣхъ краяхъ, вѣсѣ которыхъ онъ смѣшанъ съ католиками и поляками, тотъ понимаетъ, какую важность имѣетъ для православныхъ календарь. Народъ привыкъ называть все католическое польскимъ, восточное русскимъ. Принять польскій (по разумѣнію народа) календарь, значитъ отречься отъ своей вѣры и сдѣлаться полякомъ. Поэтому пока народъ русскій состоитъ вѣсѣ борьбѣ съ латинствомъ, онъ не можетъ согласиться на такую перемѣну вѣсѣ настоящее время. Такъ извѣстно, что вѣсѣ Галиціи вѣсѣ попытки австрійскаго правительства завести новый календарь встрѣчали *рѣшительный* отказъ народа. Тѣмъ менѣе могли іезуиты съ Поляками думать, что имъ это удастся вѣсѣ XVI столѣтіи, когда во главѣ православныхъ стояли еще знатные княжескіе роды, хорошо понимавшіе, что всякое сближеніе съ западомъ вредно для православія. Изъ отпора противъ новаго календаря іезуиты вынесли урокъ, что навязать народу унію т. е. *новшество* не такъ легко, какъ они сначала предполагали, и что надобно дѣйствовать усердно и умѣло, чтобы не раздражить крестьянъ, которые готовы были ко всякимъ жертвамъ за прародительскую свою вѣру.

Тогда стало ясно іезуитамъ, что единственная ихъ надежда на успѣхъ—вѣсѣ расположеніи къ уніи *высшаго православнаго западно-русскаго духовенства*, именно: митрополита и епископовъ. Прежде всего, думали они, нужно ослабить влияніе и авторитетъ патриарха, представить, что онъ какъ подданный турецкаго султана не имѣетъ

ни свободы, ни власти управлять церковью, и указывали на папу, какъ на независимаго государя, ни къмъ не стѣсняемаго, пользовавшагося полнѣйшею свободою и властью; онъ можетъ всякому, кто бы онъ ни былъ, воздать полную справедливость.— Поэтому гораздо лучше избрать главой церкви папу, пользующагося у всѣхъ христіанскихъ людей запада высочайшимъ почтеніемъ и авторитетомъ, чѣмъ оставаться въ повиновеніи у раба невѣрнаго султана. Сужденія эти, очень ловко придуманныя, встрѣчали сочувствіе, и такимъ способомъ подготовлялась официальная унія, для введенія которой въ жизнь находились уже подготовленные люди.

Хотя король Стефанъ Баторій, какъ выше сказано, сочувствовалъ уніи, но онъ не осмѣлился дѣйствовать *насмѣстственно*, а только такими орудіями какъ іезуитская лезть и обманъ. Тѣмъ болѣе онъ былъ не рѣшительнымъ, что убѣждался, что масса народа и слышать не хочетъ о перемѣнѣ старой вѣры, что въ числѣ защитниковъ православія находятся самые честнѣйшіе и умнѣйшіе люди изъ русскаго дворянства и духовенства, а на сторонѣ уніи такіе люди, которые не были хорошими православными, которые главнымъ образомъ искали только почестей и беззаботной жизни. Когда же умеръ Стефанъ Баторій, и на престолъ польскій вступилъ Сигизмундъ III, тогда возрадовались іезуиты. Онъ назначилъ своимъ духовникомъ Петра Скаргу, яраго іезуита и опытнаго проповѣдника, который вмѣстѣ съ Поссевиномъ былъ первымъ затѣйщикомъ уніи. Скарга убѣждалъ короля, что онъ можетъ достигнуть безсмертной славы на землѣ и вѣнца на небесѣхъ, если поможетъ привести Русь въ едино стадо съ Польшей. Тогда бросились іезуиты съ великимъ жаромъ на дѣло. Прежде всего они старались расположить къ себѣ русское дворянство. Притворяясь самыми искренними доброжелателями русскихъ дворянъ, они представляли имъ великія выгоды отъ уніи, если она водворится въ цѣломъ польскомъ царствѣ, и вся Русь и Литва будутъ католическими, не лишаясь своихъ восточныхъ обрядовъ. Польскому же королю и дворянству они въ то же время внушали, что унія только *первый шагъ* къ совершенной латинизаціи и ополяченію, и что въ рѣчи посполитой добра не будетъ, пока въ ней не будутъ *всѣ* настоящими католиками. Намъ надобно, говорили они, сломать силу Руси, а она тогда только будетъ *нашею*, перестанетъ быть *Русью* и будетъ настоящею Польшею, когда сдѣлается католической.

Къ сожалѣнію, тогда были такія обстоятельства, которыя благо-

пріятствовали планамъ іезуитовъ. Православная церковь не имѣла тогда достойныхъ іерарховъ въ Литовской Руси. Большая часть іерархіи была уже заражена польскимъ шляхетскимъ духомъ. Кіевскимъ митрополитомъ былъ Онисифоръ Дѣвочка, котораго называли двоеженцемъ потому, что онъ до рукоположенія въ епископа былъ вдовцомъ по смерти второй жены. По канонамъ восточной церкви двоеженцы не могутъ быть епископами. Патріархъ Константинопольскій Іеремія, пріѣхавшій на Русь ради исправленія безпорядковъ, въ 1589 г. низложилъ его по просьбѣ западно-русскихъ православныхъ, которые были недовольными Онисифоромъ и за то, что онъ былъ небрежный пастырь православнаго стада, какъ это видно изъ письма галицко-русскихъ дворянъ, писаннаго къ нему въ 1585 г. изъ Варшавы: «Хотя вашу милость старшимъ своимъ имѣемъ, однако ваша милость незаботился о томъ, чтобы словесныхъ овецъ своихъ отъ *губительныхъ волковъ* оборонять. Во время пастырства вашей милости довольно всего злаго въ нашемъ законѣ сталося: насилія святыни, замыканіе святыхъ таинъ, запечатаніе церквей, запрещеніе звонить, выволокиваніе отъ престола и отъ церквей Божіихъ поповъ, и какъ будто бы злодѣевъ сажаютъ ихъ въ тюрьмы, а мірскимъ людямъ запрещаютъ въ церквахъ Божіихъ молиться.... Но этого мало: *рубятъ кресты святые* *), захватываютъ колокола въ замокъ (крѣпость), отдаютъ ихъ въ распоряженіе жидамъ, и еще ваша милость листы (грамоты) свои открытыя противъ церквей Божіихъ жидамъ на помощь даешь.... *Изъ церквей дѣлаются іезуитскіи костелы*.... Но что еще хуже, ваша милость поставляєшь однихъ епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, братіи твоей, что и правила запрещаютъ, вслѣдствіе чего негодные люди становятся епископами» и пр. пр.

Не удивительно, что на такія злоупотребленія епископской власти не могъ равнодушно смотрѣть патріархъ, и онъ, низложивъ митрополита Онисифора, низложилъ тоже и Супрасльскаго архимандрита Тимоѳея Злобу, обвиненнаго тоже въ тяжкихъ преступленіяхъ.

Низложеніе Онисифора было однако на руку королю и іезуитамъ потому только, что имъ удалось на его мѣсто, столь важное, поставить Минскаго архимандрита Михаила Рогозу, человѣка слабаго характера, который притворялся ревностнымъ православнымъ.

Патріархъ, стараясь удалить отъ церкви соблазны, заботился также утвердить православіе посредствомъ церковныхъ братствъ.

*) Какъ въ настоящее время въ Галиціи!

Въ то время подтвердилъ онъ уставъ Львовскаго Ставропигійскаго братства. Это было для Червонной Руси очень важнымъ дѣломъ. Можно сказать, что въ Галиціи православная церковь потому и была сильна, что во главѣ народа дѣйствовало славное Ставропигійское братство, прямо подчиненное самому патриарху. Это братство и раньше утверждения патриархомъ Іереміею дѣйствовало во благо церкви и народа по благословенію антиохійскаго патриарха Іоакима и было однимъ изъ самыхъ крѣпкихъ оплотовъ православія во всей западной Руси. Другимъ могущественнымъ братствомъ, уставъ котораго тоже утвердилъ патриархъ Іеремія, было Виленское православное братство. По образцу этихъ братствъ основались другія братства: въ Холмской Руси, въ Бѣлорусіи, въ Малороссіи. Братства строго наблюдали за благочиніемъ и нравственностію въ своей средѣ, а главнѣйшія изъ нихъ и во всемъ православномъ обществѣ. Братства имѣли также право воспитывать юношество, которое обучали священному писанію, а также славянскому и греческому языкамъ; они получили наконецъ право печатать священныя и церковныя книги и учебники.

Западно-русскія братства, поставившія себѣ цѣлью защиту и утвержденіе православія въ такихъ странахъ, гдѣ оно имѣло много враговъ, были великою силою, очень опасною даже для иезуитовъ. Многіе изъ нихъ сохранились въ своихъ остаткахъ и до нынѣ въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ была унія, и многіе изъ нихъ должны быть восстановлены. Такое братство должно быть въ каждомъ приходѣ. Оно должно бы стараться о благолѣпнн Дому Божьего, способствовать школьному просвѣщенію въ духѣ православія, распространять книги, наблюдать за посѣщеніемъ церкви и за нравственностію христіанъ, устранять соблазны, утверждать трезвость и всякія добродѣтели, помогать бѣднымъ, безпомощнымъ.

Патриархъ понималъ, какая сила такихъ братствъ, и потому утверждалъ ихъ. Отъ нихъ онъ могъ знать о всемъ, что дѣлалось на Руси, и легче устранять зло. На частныхъ людей, отдѣльно поставленныхъ, нельзя было полагаться, потому что частнаго человѣка легко было врагамъ перехитрить и переманить на свою сторону, а съ братствами этого нельзя было сдѣлать.

Но и братства не могли въ то время спасти русскую церковь отъ уніи. Іезуиты накиннули на всю Русь и Литву католическую сѣть, имѣя опору въ самомъ королѣ и въ шляхтѣ, которая съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе переходила въ латинство. Оставалось, правда, въ православіи низшее духовенство, но оно было мало

образованное, бѣдное, зависимое, гонимое и безсильное въ борьбѣ съ могущимъ врагомъ, за которымъ все стояло отъ короля до послѣдняго писаря. Духовенство нерѣдко съ связанными руками должно было смотрѣть, какъ тяжкіе волки раздирали ихъ паству. Епископы же, видя въ патріархѣ строгаго судью своихъ дѣлъ, иногда не хорошихъ, и видя, что въ римской церкви все безнаказанно проходить, стали подумывать, какъ бы избавить себя отъ константинопольскаго патріарха, чѣмъ ловко воспользовались іезуиты. Они говорили епископамъ: чѣмъ помогаетъ вамъ патріархъ? Онъ безсиленъ, онъ самъ рабъ невѣрнаго султана, его никто не уважаетъ, не слушаетъ. Другое дѣло папа. Ему, какъ намѣстнику Христа и преемнику апостола Петра, повинуются и цари. Патріархъ, говорили іезуиты епископамъ, поставилъ васъ подъ надзоръ братствъ, которыя слѣдятъ за каждымъ вашимъ шагомъ, и вы не свободны; примите унію, тогда сбросите это иго, а папа не будетъ вмѣшиваться въ ваши дѣла, будете себѣ жить, какъ душѣ угодно, и братства ничего не слѣдаютъ вамъ своими доносами.

Не предотвратили уніи и оставшіеся еще въ православіи могущественные защитники его, во главѣ которыхъ стоялъ богатый вельможа и свѣтлый мужъ князь *Константинъ Острожскій*. Не было имъ надлежащей опоры не только въ ихъ дворянской средѣ, но и въ средѣ духовенства, потому что въ то время поставляли въ священство чаще всего въ угожденіе попяченными панамъ, ихъ лакеевъ, экономовъ, поваровъ, мельниковъ и пр. людей полуграмотныхъ, а шляхта чаще и чаще перебѣгала въ латинство, потому что презирала свое темное духовенство, и притомъ видѣла, что возвращеніе въ латинство открывало ей двери къ полученію высокнихъ почестей въ польскомъ государствѣ. Не лучше было и въ монастыряхъ, которые должны были быть крѣпостью православія. Въ нихъ рѣдко бывали ученые люди, чаще же всего монахи думали только о томъ, какъ бы сохранить свое имущество отъ грабежа, и считали себя счастливыми, если ихъ никто не трогалъ.

Такъ всѣ обстоятельства сложились въ пользу іезуитовъ, и мысль объ уніи овладѣла и чернымъ и бѣлымъ русскимъ духовенствомъ, не видѣвшимъ другаго выхода изъ отчаяннаго своего положенія.

1590 года митрополитъ Михаилъ Рогоза созвалъ въ Брестъ-Литовскъ соборъ для совѣта, какъ бы улучшить все въ православной церкви.

На соборъ явились: Кирилль Терлецкій, епископъ Луцкій, уже давно расположенный къ униі, Леонтіи Пелчинскій, епископъ Пинскій, Діонисій Збируйскій, еп. Холмскій, и Львовскій Гедеонъ Балабанъ. Митрополитъ указалъ на тягостное положеніе русской церкви, по причинѣ ея зависимости отъ Константинопольскаго Патріарха, турецкаго подданнаго. Всѣ епископы согласились съ его мнѣніемъ и высказали желаніе соединиться съ западной церковью. Съ этимъ мнѣніемъ согласился даже извѣстный впоследствии своею ревностью къ православію Львовскій епископъ Гедеонъ,—согласился потому, что онъ тогда былъ во враждѣ съ львовскимъ братствомъ. Тогда епископы составили грамоту, въ которой объявили, что они, по долгу пастырей — спасать свои пастыри отъ бѣдствій, готовы подчиниться римскому папѣ, если восточные ихъ обряды будутъ имъ оставлены въ цѣлости *во вѣки*. Митрополитъ по благоразумію не подписалъ этой грамоты, потому что это еще было преждевременно, а иезуиты вѣроятно такъ его наставили, что ему нужно было еще играть роль православнаго до той поры, пока дѣло уже будетъ готово. Но грамота была передана польскому королю Сигизмунду, который 1592 г. въ мартѣ мѣсяцѣ, выразивъ благодарность епископамъ, обѣщалъ имъ разныя преимущества и защиту отъ напастей. Между прочимъ, онъ обѣщалъ *«приумноженіе ласки, увеличеніе воленостей и свободъ»* наравнѣ съ латинскимъ духовенствомъ и пр. Это были пустыя слова!

Теперь то начали иезуиты дѣйствовать рѣшительно, по внушенію Петра Скарги, который еще въ 1577 г. издалъ сочиненіе объ униі на польскомъ языкѣ. Послѣ пятилѣтнихъ трудовъ иезуитовъ почва для униі была уже на столько подготовлена, что можно было сдѣлать рѣшительный шагъ. Правда, и православные не бездѣйствовали. Они еще раньше усилили свои заботы о просвѣщеніи. Тогда именно явился въ западной Россіи первый русскій книгопечатникъ Иванъ Федоровъ. Въ 1580 г. издана была въ Острогѣ заботами князя Константина Острожскаго первая печатная библія на славянскомъ языкѣ; появились и другія книги въ Острогѣ, Львовѣ и Вильнѣ. Религіозная жизнь пробудилась, какъ никогда прежде. Братства исправляли старыя злоупотребленія, которыя подъ вліяніемъ иезуитовъ и латинства вкрались въ православную церковь, они ободряли народъ къ долготерпѣнію и мужеству въ борьбѣ за дражайшее наслѣдство отцовъ — *родную церковь*.

Несмотря на грамоту короля, соизволявшаго на унию, православные не думали принимать ея. Они считали предателями четьрехъ епископовъ, подписавшихся на унию, и утѣшались твердостью остальныхъ. Львовское братство, узнавъ о предательствѣ епископовъ, обратилось къ патріарху съ сердечной просьбой помочь дѣлу и прислать екзарха въ Литву.

Иезуиты однако дѣлали свое. Они распустили нарочно, чтобы утѣшить православныхъ, молву, что уже и митрополитъ подписался на унию. Въ 1593 г. иезуитамъ прибыла новая сила. Въ этомъ году умеръ въ Брестѣ епископъ Мелетій Хрептовичъ, и на его мѣсто назначенъ былъ Адамъ Поцѣй, сенаторъ и каштелянъ брестскій, человекъ знатнаго рода и обширнаго образованія. Онъ учился въ Краковѣ; кончивъ науки, былъ на службѣ у князя Радзивилла, покровителя протестантовъ, и въ то время принялъ протестантство. Послѣ того онъ былъ писаремъ у короля, судьбою, сенаторомъ и каштеляномъ брестскимъ. Онъ былъ прежде женатъ на родственницѣ князя Константина Острожскаго и въ близкой связи съ нимъ. Для плановъ иезуитовъ не могло быть лучшаго человека. Самъ король написалъ грамоту митрополиту, чтобы онъ посвятилъ Поцѣя въ епископы безъ всякаго возраженія. Поцѣй тогда уже отказался отъ протестантизма и опять принялъ православіе. Сдѣлавшись епископомъ, онъ сблизился съ Кирилломъ Терлецкимъ, который его высоко уважалъ и предоставилъ ему главное участіе въ дѣлѣ униі. Терлецкій убѣждалъ его, что нельзя дальше оставаться подъ управленіемъ патріарха, который по простымъ доносамъ низлагаетъ епископовъ, поставилъ надъ епископами братства въ родѣ надзирателей, а этого всего, говорилъ онъ, не будетъ, когда мы присоединимся къ папѣ. Тогда будемъ сидѣть до смерти на нашихъ епископствахъ, и отыщемъ наши церковныя имѣнія. Но Поцѣя не надо было убѣждать. Онъ уже былъ въ душѣ униатомъ. Его не тронуло даже письмо такого мощнаго покровителя православія, какъ князь Острожскій, который не былъ врагомъ униі, т. е. *соединенія всѣхъ церквей*, о чемъ наша церковь всегда молится. Князь Острожскій писалъ Поцѣю, что онъ понимаетъ унию только *всѣхъ церквей* вмѣстѣ, и предлагалъ ему отправиться въ Москву къ патріарху, чтобы онъ и всѣ патріархи востока соединились, какъ это было въ первые вѣка христіанства прежде раздора, происшедшаго въ IX столѣтіи отъ гордости римскихъ первосвятителей. Князь Острожскій писалъ ему, что о такомъ дѣлѣ, какъ со-

единеніе церквей, должны произнести судъ прежде всего *грекскіе отцы*. На это Поцѣй отвѣтилъ, что это трудное дѣло, что онъ и не думалъ объ этомъ; не упоминалъ онъ объ этомъ и на соборѣ, который созванъ былъ 1593 года.

О томъ, что происходило теперь въ западно-русской церкви узналъ патриархъ въ Константинополѣ отъ Львовскаго братства и написалъ на имя митрополита двѣ грамоты, одну съ приказомъ изложить Львовскаго епископа Гедеона Балабана, а вторую съ выговоромъ самому митрополиту, съ временнымъ запрещеніемъ за то, что онъ дурно управляетъ паствой, если не сумѣлъ въ продолженіи пяти лѣтъ (1589—1593) умиротворить ее. Митрополитъ Михайлъ, получивъ эти грамоты, созвалъ на 24-е Іюня 1594 года соборъ въ Брестъ, на который пріѣхали только Поцѣй и Терлецкій. Соборъ для отвода глазъ осудилъ Гедеона и митрополитъ отлучилъ его. Но удивительно! Когда объ этомъ изложено шла рѣчь, королевскій примасть, архіепископъ Гнезненскій, прислалъ митрополиту письмо, что соборъ *не допускается потому, что созванъ въ отсутствіе короля* (король уѣхалъ въ Швецію), *когда по законамъ Польши не допускаются вообще никакія собранія; въ письмѣ этомъ было выражено также негодованіе латинякъ на митрополита за его содѣйствіе патриарху*. Письмо, очевидно, было написано съ тѣмъ, чтобы лишить представителей братства права участвовать въ этомъ соборѣ и предпринимать что либо на защиту православной церкви.

Этимъ ловко воспользовался Кириллъ Терлецкій. Онъ зналъ отлично, что еслибы митрополитъ что нибудь предпринялъ на соборѣ неблагопріятнаго для уніи и іезуитовъ, то это не имѣло бы никакой силы. Но онъ воспользовался теперь удобнымъ случаемъ вызывать митрополита на рѣшительное заявленіе объ уніи. Онъ пошелъ къ нему и спросилъ его тайно, что онъ думаетъ объ уніи? Митрополитъ противъ всякаго ожиданія далъ свое согласіе принять унію, потому будтобы, что не видѣлъ другаго выхода изъ своего труднаго положенія. Кириллъ былъ въ восторгѣ отъ такого заявленія митрополита и съ искусствомъ «райскаго змія» представилъ ему все счастье отъ соединенія церквей, т. е. отъ *подчиненія* ихъ церкви папѣ. Митрополитъ составилъ записку, въ которой выражены были мысли объ общемъ соединеніи церквей, и далъ ее Кириллу для представленія королю, только просилъ его держать это еще въ тайнѣ. Онъ еще не имѣлъ смѣлости выступить рѣшительно, потому что боялся православнаго дворянства

и братствъ. Но Кириллъ давно уже порвалъ связи и съ дворянствомъ и съ братствами, не считалъ нужнымъ скрываться, и *открыто* выступилъ поборникомъ уніи. Онъ поѣхалъ въ Краковъ, представился королю, выпросилъ себѣ у него грамоту на званіе ексарха и привезъ похвальную грамоту Поцѣю за его заслуги для уніи.

Вернувшись изъ Кракова, Терлецкій вмѣстѣ съ Поцѣемъ убѣдили митрополита уполномочить ихъ вести переговоры объ уніи. Митрополитъ колебался, просилъ 6 недѣль на размышленіе, но затѣмъ было составлено соборное посланіе о принятіи уніи. Положеніе митрополита было весьма трудное при неустойчивости его характера. Съ боязнію оглядываясь на всѣ стороны, онъ всѣхъ обманывалъ. Братства онъ увѣрялъ, что не подписалъ грамоты; увѣрялъ въ томъ же и дворянъ, особенно князя Острожскаго, которому обѣщалъ твердо стоять за православіе. Онъ содѣйствовалъ примиренію Гедсона съ братствомъ, послѣ чего Гедсонъ написалъ протестацію противъ Поцѣя и Терлецкаго, отказываясь отъ всякой уніи. Митрополитъ даже написалъ Виленскому братству посланіе, опровергающее разнесшійся слухъ объ его измѣнѣ. Но братство имѣло въ рукахъ *документы* и переслало ихъ князю Острожскому и Скумину — въ доказательство лживости митрополита и единомысленныхъ съ нимъ епископовъ. Братство просило князей, чтобы они выхлопотали созваніе собора, въ которомъ участвовали бы и міряне. Но до собора не скоро еще дошло дѣло. Поцѣй и Терлецкій въ томъ же 1595 г. посѣщили въ Краковъ. Въ Люблинѣ Поцѣй встрѣтился съ княземъ Острожскимъ, показалъ ему подлинныя грамоты и на колѣнахъ слезно просилъ его принять участіе въ уніи. Князь рѣзко сказалъ, что рѣшать дѣло объ уніи можетъ только *соборъ*.

Оба епископа пріѣхали въ Краковъ, а оттуда *безъ разрѣшенія митрополита* отправились въ Римъ. Къ этому они готовились уже дома, такъ какъ нужно было заложить церковныя имѣнія, чтобы добыть денегъ на дорогу. Выѣхавъ въ сентябрѣ 1595 г. они пріѣхали въ Римъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Митрополитъ, какъ только узналъ объ ихъ отъѣздѣ, послалъ своего протонотарія, чтобы ихъ возвратить, но они не обратили вниманія на приказаніе митрополита. Что для нихъ тогда значилъ митрополитъ, когда они уже везли въ Римъ готовую унію съ могущимъ папой — царемъ!

Самъ король извѣстилъ окружной грамотой всѣхъ своихъ

подданныхъ, что для приведенія уніи въ дѣйствіе отправились въ Римъ епископы Владимірскій и Луцкій. Православные сильно возмутились, особенно князя К. Острожскій и Скуминъ. Въ Вильнѣ выступилъ извѣстный проповѣдникъ Стефанъ Зизаній на защиту православія. Народъ ропталъ, за что начали его преслѣдовать въ имѣніяхъ пановъ—латынянъ и въ королевскихъ имѣніяхъ. Это предвѣщало великую бурю, которая и разразилась въ близкомъ будущемъ.

Епископовъ Поцѣя и Терлецкаго папа принялъ въ Римѣ очень сердечно. Имъ отведенъ былъ особый дворецъ и выдавалось много денегъ. Папа далъ имъ аудіенцію 23 Декабря, по особому церемоніалу. Они прочитали грамоты, латинское исповѣданіе вѣры и удостоены были облобызать крестъ на папскомъ башимаѣ. Объ уніи составленъ былъ папскими секретарями протоколъ и для увѣковѣченія введенія уніи папа велѣлъ выбить медаль съ надписью «Ruthenis receptis» (на память о присоединеніи русскихъ). Оба епископа возведены были въ званія предатовъ и ассистентовъ римскаго престола, и имъ вручены были грамоты королю, митрополиту, епископамъ и князьямъ. Королю папа писалъ, чтобы онъ принялъ митрополита и епископовъ въ число сенаторовъ; митрополиту поручено было созвать соборъ и представить затѣмъ папѣ его постановленія.

Повидимому, все пошло благополучно. Но не такъ было на дѣлѣ. Папа утвердилъ восточную обрядность, но не безусловно, а лишь настолько, *насколько она не противорѣчила латинству*, и хотя оставилъ православнымъ символъ вѣры, но Поцѣй и Терлецкій уже прочитали латинское исповѣданіе вѣры. Папа зналъ, что іезуиты довершатъ дѣло по своему, все передѣлаютъ на латинскій ладъ.

Въ мартѣ 1596 года возвратились епископы Терлецкій и Поцѣй изъ Рима, осчастливленные почестями и достоинствами. Но на первыхъ же шагахъ ихъ встрѣтила большая неприязнь. Русскіе православные депутаты, съ княземъ Конст. Острожскимъ во главѣ, на Варшавскомъ сеймѣ подали королю просьбу, чтобы епископы, согласившіеся на унію, были лишены сана, и на ихъ мѣста назначены другіе. Поцѣй и Терлецкій позаботились выхлопотать у короля новыя грамоты на эти епископства. Еще раньше этого король, соглашаясь на соборъ, заявилъ, что въ немъ не должны участвовать міряне, потому что онъ знаетъ настроеніе православныхъ мірянъ и боялся ихъ. По желанію короля созванъ былъ такой соборъ въ Новогрудкѣ изъ одного

духовенства, но онъ не рѣшилъ дѣла уніи, а занялся осужденіемъ защитниковъ православія, особенно Стефана Зизанія. Такой соборъ не могъ удовлетворить ни православныхъ, ни приверженцевъ уніи. Православные желали выяснить и рѣшить все дѣло на большомъ соборѣ, съ участіемъ представителей народа, который вмѣстѣ съ духовенствомъ и составляетъ церковь, а приверженцы уніи, хотя тоже желали покончить дѣло торжественно, но съ пораженіемъ православія. Они желали устроить такой соборъ, чтобы на немъ также торжественно повторить то, что было въ Римѣ, именно, чтобы вся русская земля услышала, что безъ папы будтобы спасенія быть не можетъ, что вѣра предковъ, спасавшая ихъ въ продолженіи 600 лѣтъ со времени принятія Русью крещенія, не полная, что папу въ Римѣ надобно считать альфой и омегой, началомъ и концемъ въ христіанской церкви.

Съ такимъ пониманіемъ дѣла согласенъ былъ и король Сигизмундъ III. Онъ издалъ 14 Іюня 1596 г. универсалъ, въ которомъ заявилъ, что не только епископы, ѣздившіе въ Римъ, но и онъ самъ имѣлъ желаніе соединить церкви. Онъ говорилъ затѣмъ, что желаетъ быть съ своими поданными въ *одной* вѣрѣ, что такое единеніе *охраняетъ цѣлость республики*. О народѣ же выразился, что это только *«толпа»*, и онъ не долженъ участвовать въ соборѣ. Митрополитъ Михаилъ Рогоза издалъ съ своей стороны подобный циркуляръ. Но не смотря на все это, народъ волновался, особенно въ Вильнѣ, такъ что митрополиту нужна была королевская защита. Народъ волновался и въ епархіяхъ Поцѣя и Терлецкаго и вездѣ. Вопль несчастныхъ гонимыхъ православныхъ дошелъ и до восточныхъ патріарховъ, которые утѣшали гонимыхъ и хвалили ихъ твердость въ православіи. Патріархъ Мелетій alexандрійскій прислалъ ученаго Кирилла Лукариса, протосинкелла alexандрійской церкви, а константинопольскій патріархъ прислалъ своего архидіакона, високоученаго Никифора, въ званіи экзарха, которыхъ православные приняли весьма сердечно. Они радовались, что на соборѣ будутъ имѣть своихъ ученыхъ защитниковъ противъ такихъ славныхъ проповѣдниковъ лжи, какимъ былъ прославленный поляками іезуитъ Петръ Скарга. Они радовались прибытію этихъ ученыхъ мужей тѣмъ болѣе, что слабѣла ихъ надежда на побѣду. Большинство епископовъ, съ митрополитомъ во главѣ, уже были явными уніатами, остались въ православіи только два епископа: Михаилъ Копыстинскій перемышльскій и Гедeonъ Балабанъ львовскій.

Знали и глубоко чувствовали православные, что истина Христова на ихъ сторонѣ, но сила и притомъ не одна виѣшняя, но и сила лжи и обмана—на сторонѣ враговъ. Враги эти рѣшились доказать предъ лицомъ міра, что унию приняло законное представительство западно—русской церкви, и потому они заботливо готовились къ назначенному въ городѣ Брестѣ собору, чтобы одержать на немъ побѣду надъ православными и православіемъ.

Дѣломъ провозглашенія униі на брестскомъ соборѣ заправляли епископы Кирилль Терлецкій, Ипатій Поцѣй и иезуиты. Положеніе православныхъ было тяжелое. Отъ Брестскаго собора они не ожидали ничего хорошаго, но не падали духомъ, уповая на милость Божію и на свою правду.

Въ октябрѣ 1596 г. начался этотъ соборъ. «Никогда, пишетъ ученый историкъ М. О. Кояловичъ, не было собора въ западно-русской церкви, который представлялъ бы собою такую торжественность и величіе, какъ соборъ 1596 года, въ Брестѣ. На этотъ соборъ прибыли: Никифоръ, экзархъ константинопольскаго патріарха въ Литвѣ и во всемъ константинопольскомъ патріархатѣ, человекъ извѣстный своею ученостію и сильными связями въ Константинополѣ; Кирилль Лукарисъ, экзархъ александрійскаго патріарха; западно-русскій митрополитъ Михаилъ съ семью епископами; множество архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ западно-русской церкви; дальше князь Острожскій съ многочисленною свитою, послы отъ всѣхъ областей и множество людей всякаго чина и званія. Представителями латинянъ были: главнѣйшіе двигатели униі—латинскіе епископы: луцкій, львовскій съ иезуитами, холмскій; потомъ гетманъ литовскій князь Николай Радзивилль, канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга и подскарбій литовскій Димитрій Фалецкій, тоже со свитами. Всѣ съѣхавшіеся на соборъ немедленно раздѣлились на двѣ половины. Латиняне соединились съ будущими униатами, Поцѣемъ и другими епископами, не отказавшимися отъ униі, и взяли почти подъ стражу Михаила Рогозу. Патріаршіе экзархи и другіе представители восточной церкви соединились съ двумя западно-русскими епископами, Геденомъ львовскимъ и Михаиломъ перемышльскимъ, съ княземъ Острожскимъ, съ послами областными; къ нимъ присоединились почти всѣ духовные и мірскіе представители православной западно-русской церкви. Обѣ половины представляли собою грозное ополченіе; шатры и палатки покрывали окрестности Бреста; и когда обѣ стороны измѣрили взаимныя силы, то перевѣсъ на сторонѣ

православныхъ былъ такъ великъ во всѣхъ отношеніяхъ, что привелъ въ ужасъ униатскую половину, и она обратилась съ тревожными вопросами къ князю Острожскому. Но онъ увѣрилъ, что спокойствіе не будетъ нарушено, и, вѣроятно, слово князя было выраженіемъ мыслей большинства православныхъ. Они такъ были увѣрены въ правотѣ своего дѣла и въ сочувствіи цѣлаго народа, что никакъ не думали обращаться къ силѣ безъ прямого вызова противной стороны и, какъ увидимъ сейчасъ, даже совершенно пренебрегли тою силою. Собираясь около двухъ патриаршихъ экзарховъ, двухъ своихъ епископовъ и всего духовенства, они выжидали, пока митрополитъ, согласно всегдашнему обычаю, назначитъ имъ мѣсто для собора; но тотчасъ оказалось, что ихъ благородное обѣщаніе не нарушать спокойствія подало поводъ противной сторонѣ устроить козни. Митрополита не пускали къ нимъ и скрывали отъ всѣхъ поисковъ. Православные узнали, что его даже окружаетъ военная сила. Мало того: они узнали, что Поцѣй, какъ мѣстный епископъ, приказалъ запретить всѣ церкви, чтобы лишить православный соборъ приличнаго мѣста и будущія его дѣйствія—церковнаго освященія. Связанные благороднымъ словомъ князя, они не посмѣли употребить силу и рѣшились избрать для собора частный домъ, какой можно было найти въ Брестѣ, болѣе обширный. Такой домъ предложили протестанты. Православные раздѣлились на двѣ половины, духовную и мірскую, установили порядокъ засѣданій въ обѣихъ половинахъ и освятивъ залу духовнаго собора приличнымъ молитвословіемъ, приступили къ дѣлу. Дѣйствія этого собора въ обѣихъ его половинахъ (духовной и мірекой) поражаютъ насъ изумительно вѣрнымъ знаніемъ церковныхъ и гражданскихъ литовско-польскихъ законовъ и еще болѣе изумительно строгимъ исполненіемъ ихъ. Всѣ увидѣли теперь, что митрополитъ и окружавшіе его епископы предаютъ латинянамъ свою церковь и, слѣдовательно, подлежатъ суду. Судъ этотъ православные считали вправѣ произвести надъ высшимъ своимъ іерархомъ и епископами теперь, потому что имѣли на своей сторонѣ представителей восточныхъ патриарховъ, уполномоченныхъ произвести этотъ судъ; слѣдовательно, на сторонѣ православныхъ были судьи по власти выше митрополита и всѣхъ западно-русскихъ епископовъ. Званіе Никифора, патриаршаго экзарха, не подлежало никакому сомнѣнію, потому что сами православные просили патриарха прислать его въ Литву. Имѣя на своей сторонѣ каноническую законность власти, православные не коле-

бались ни минуты вѣрить этой власти судъ надъ дѣлами западно-русской церкви, и каждое дѣйствіе этой канонически законной власти возвышало въ нихъ довѣріе къ собору. Экзархъ Никифоръ черезъ пословъ позвалъ митрополита на судъ, согласно съ церковными правилами судить виновнаго лично. Посланные не находили его; соборъ продолжалъ посылать ихъ для новыхъ поисковъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ посольствъ митрополита наконецъ нашли въ кругу латинянь и получили въ отвѣтъ, что онъ не явится на соборъ православныхъ. Соборъ теперь имѣлъ право судить виновнаго и заочно, также по церковнымъ правиламъ. Выбранный отъ собора прочиталъ грамоты Никифора къ митрополиту съ убѣжденіемъ не приставать къ уніи, писанныя—одна до пріѣзда на соборъ, другая въ день самаго пріѣзда; затѣмъ прочитаны были всѣ «позвы» митрополиту и послѣдній его отвѣтъ. Виновность его и единомышленныхъ съ нимъ епископовъ не подлежала никакому сомнѣнію. Но такъ какъ, осуждая митрополита и единомышленныхъ съ нимъ епископовъ, нужно было вмѣстѣ съ тѣмъ осудить и унію, то члены собора, оставивъ въ сторонѣ виновниковъ ея, занялись рѣшеніемъ вопроса объ уніи. Сдѣлано было опроверженіе ея, и затѣмъ духовный соборъ обратился къ мірской половинѣ и требовалъ ея мнѣній. Съѣздъ православныхъ мірянъ прочиталъ посольскія инструкціи отъ всѣхъ областей и представилъ духовному собору единогласное мнѣніе, что уніи *не желаетъ весь литовско-русскій народъ*. Тогда соборъ приступилъ къ окончательному рѣшенію: виновные въ уніи митрополитъ и епископы осуждены на низложеніе съ кафедръ. Опредѣленіе собора было послано къ виновнымъ, и всѣ члены собора составили протестъ противъ уніи и владыкъ, принявшихъ ее, и отправили къ королю пословъ съ просьбою назначить имъ новыхъ іерарховъ.

«Сторона уніатская дѣлала какъ-бы подражаніе православному собору, но самое слабое и крайне неудачное, не смотря на святость мѣста, въ которомъ производила свои дѣйствія (въ кафедральной церкви св. Николая). Страха ради отъ православныхъ, будущіе уніаты окружили себя военною силою и, вопреки всѣмъ правиламъ церкви, допустили въ качествѣ членовъ собора иновѣрцевъ, т. е. латинянь. Дальше, подобно православнымъ, они считали нужнымъ снести съ не принявшими уніи; но сносились частнымъ образомъ, не съ собора и не чрезъ грамоту, а словесно, посредствомъ иновѣрцевъ. На основаніи такихъ частныхъ и канонически

незаконныхъ сношеній, они признали не участвовавшихъ въ униі виновными, руководствуясь не обличеніемъ ихъ и высказанными ими отвѣтомъ, а тѣмъ убѣжденіемъ, что униі всё упорно противятся. Еще дальше. Православный соборъ рассуждалъ объ униі и опровергалъ ее. Уніатскому собору не нужно было рассуждать о ней и вести преніе: униі давно была рѣшена безъ собора и утверждена уже была папою, рассуждать было не о чемъ и уніатскій соборъ ограничился чтеніемъ папской утвердительной грамоты на унию. Наконецъ, православный соборъ, слѣдуя вполнѣ соборнымъ правиламъ, допустилъ совѣщательное участіе мірянъ, потому что дѣло касалось всего народа и его гражданскихъ отношеній къ церкви. Уніатскому собору некого было спрашивать о мнѣніи народа, потому что на немъ не было ни одного земскаго посла. Поэтому уніатскій соборъ только объявилъ унию, какъ дѣло рѣшенное, представилъ отъ себя тоже протестъ королю противъ не принявшихъ унию, съ просьбою низложить силою виновныхъ епископовъ *и принять мѣры противъ народа*.

«Такимъ образомъ, мы видимъ, что общій съѣздъ разногласящихъ сторонъ, собравшійся для примиренія ихъ въ дѣлахъ вѣры, какъ предполагалось въ универсалѣ короля и въ грамотѣ митрополита, вовсе не достигъ этой цѣли; онъ раздѣлился на двѣ половины, православную и латинствующую, которыя сдѣлались еще болѣе враждебными, и каждая по своему рѣшила дѣло униі: одна отвергла ее, другая приняла. Значить, произнести окончательный приговоръ о соборѣ и принять рѣшеніе предоставлено было будущему времени».

Конечно, взаимныя проклятія и отрѣшенія не препятствовали какъ православнымъ, такъ и уніатамъ оставаться при своихъ мнѣстахъ и званіяхъ. Но положеніе православныхъ, оставшихся вѣрными восточной церкви, было далеко болѣе трудное. Епископовъ, подчинившихся папѣ, защищало правительство; православныхъ оно преслѣдовало. Тотчасъ послѣ Брестскаго собора Сигизмундъ III издалъ грамоту, въ которой говорить: «Митрополитъ съ епископами, со всемъ духовенствомъ и многими людьми греческой русской вѣры, сошлись въ соборной брестской церкви св. Николы послѣ молитвы, три дня разбирали дѣло, справляючись съ священнымъ писаніемъ, съ правилами св. отецъ, братски призвали къ себѣ епископовъ Михаила и Гедеона съ ихъ товарищами; но они, хотя сначала сами добровольно приступали къ униі и о томъ къ намъ писали, но теперь, по наущенію упорныхъ людей, оста-

вили св. храмъ Божій, въ которомъ во все время собора ни разу не были, пожелали соединиться съ анабаптистами, аріанами, богохульниками и съ другими старыми еретиками, неприятелями и поругателями вѣры православной русской. Мало того: соединяясь съ какимъ то еретикомъ Никифоромъ и другими греками, шпионами и измѣнниками нашими, засѣли въ еретической *божницѣ*, гдѣ съ окаменѣлымъ *фарисою* въ сердцѣмъ, съ упорствомъ и злобою, осмѣлились рѣшать дѣла, къ нимъ не подлежація, возстали противъ насъ, своего Господаря, противъ Рѣчи Посполитой и своихъ начальниковъ, отлучились отъ церкви Божіей, составили тайные протесты и заговоры, подписывали бланкеты и прикладывали печати, призывали къ рукоприкладству людей, не принадлежащихъ къ собору, насильно заставляючи ихъ подписываться, а потомъ на тѣхъ бланкетахъ что-то писали и по государству нашему разсылали». Дальше король извѣщалъ всѣхъ, что епископы Михаилъ и Геденъ прокляты, а потому запрещается почитать ихъ епископами и входить съ ними въ какія либо сношенія; всѣ же правительственныя власти и должностныя лица обязываются уважать постановление Брестскаго собора, въ противникахъ же онаго видѣть *преступниковъ*.

Такимъ образомъ, король призналъ униатовъ преданными престолу и отечеству и объявилъ, что на противниковъ уни, т. е. православныхъ, смотреть какъ на нарушителей общественнаго спокойствія, какъ на отступниковъ отъ церкви Божіей. Это было началомъ преслѣдованій, которое открыло широкое поле низкой зависти, фанатичнымъ проискамъ.

Несправедливое рѣшеніе дѣла уни не столько напугало, сколько озлобило православныхъ. Еще 9 октября въ Брестѣ православные избрали изъ среды своей двухъ свѣтскихъ депутатовъ, Малиновскаго и Древинскаго, и снабдили ихъ инструкціею, какъ они должны дѣйствовать и чего требовать отъ короля и сейма. Въ инструкціи говорится, что предки ихъ, они сами болѣе 600 лѣтъ подчинялись константинопольскому (цареградскому) патріарху, что, составляя только часть восточной церкви, они одни не могутъ признать надъ собою власти папы. Въ концѣ просили короля низложить митрополита Михаила и епископовъ, принявшихъ унию, и лишить ихъ правъ на церковныя имущества. Въ 1598 году православные подали жалобу на митрополита и епископовъ, принявшихъ унию; но разсмотрѣніе жалобы было отложено. Между тѣмъ въ 1600 г. умеръ митрополитъ Рогоза, не добившись осуществленія завѣтной

своей мысли засѣдать въ сенатѣ. Современники пишутъ, что совѣтъ преслѣдовала его, и что въ послѣднюю минуту онъ объявилъ желаніе умереть православнымъ; но окружавшіе ложе больного уніаты не допустили до этого.

Королевскою грамотою 8-го апрѣля 1600 г. назначенъ его преемникомъ вѣрный и надежный сподвижникъ іезуитовъ, Ипатій Поцѣй. Тогда дѣло уніи уже цѣликомъ предано было въ руки іезуитовъ.

Такъ заведена была унія въ западныхъ краяхъ Руси. Изъ іерарховъ этихъ краевъ не поддались іезуитскимъ интригамъ только галицкіе владыки, не смотря на немилость и угрозы короля и на преслѣдованія, которымъ подвержена была православная церковь въ ихъ отечествѣ. Не удивительно поэтому, что почти два столѣтія уніи, принятой наконецъ и Галичанами подъ давленіемъ преслѣдованій, не могли до сихъ поръ искоренить въ народѣ сочувствія къ древней своей церкви, слѣды которой сохранились еще въ ихъ старыхъ книгахъ и другихъ памятникахъ и въ живущемъ всегда преданіи.

Но преслѣдованіе православія и въ тѣхъ краяхъ, гдѣ унія заведена была на сто лѣтъ раньше, чѣмъ у Галичанъ, не вышло на добро гонителямъ его. Начался рядъ возстаній народныхъ, потекла славянская братская кровь, явились герои, не жалѣвшіе живота своего за вѣру, пока не явился Хмѣльницкій и не положилъ начала распаденію польскаго царства.

II.

Плоды уніи.

Вамъ, любезные братья, надѣюсь, теперь ясно, что брестская іезуитская унія была совсѣмъ не такимъ соединеніемъ христіанъ, которое завѣщалъ Спаситель, котораго держалась вся христіанская апостольская церковь цѣлыхъ восемь столѣтій, и которое разорвали римскіе папы своею ненасытною жаждою господства надъ міромъ.

Вы убѣдились изъ нашего краткаго, но вѣрнаго изложенія событій, совершившихся при введеніи искусственной уніи съ властолюбнымъ панствомъ въ литовско-русскихъ земляхъ, что такой уніи не желали наши предки, жившіе мирно въ праотеческомъ православіи, содержавшемъ единеніе съ всею православною цер-

ковью, соблюдавшемъ установленія апостольскія и святыхъ седми истинно вселенскихъ соборовъ. Вы знаете, что у насъ на востокѣ вводилось христіанство мирнымъ образомъ, христіанскимъ просвѣщеніемъ, а не мечемъ и огнемъ, какъ на западѣ, такъ какъ церковь наша смиренная и кроткая, желаетъ всехъ просвѣтить свѣтомъ разума святаго евангелія и гнушается насилія и кровопролитія. Вы видите, что въ русскомъ нашемъ богоспасаемомъ государствѣ живутъ народы разныхъ вѣроисповѣданій: римскіе католики, протестанты, евреи, магометане, даже язычники, но никто не обращаетъ ихъ насиліемъ, а только любовью и кротостью. Никогда не думали восточные патріархи, не думаетъ и могущественная Россія высылать православныхъ миссіонеровъ въ Германію или Францію, чтобы обращать жителей тѣхъ христіанскихъ странъ въ православіе: она оберегаетъ только своихъ православныхъ вѣрныхъ, и защищаетъ и проливаетъ дражайшую свою кровь за православную братію; она, православная церковь, выстрадавшая въ литовско-русскихъ провинціяхъ нашествіе іезуитовъ, волковъ въ овчійхъ кожахъ, какъ мать, любящая свои чада, старается просвѣтить обманутыхъ, обратить безъ своей вины заблуждшихъ; вотъ почему она уничтожаетъ унию, какъ остатокъ духовнаго рабства иноплемениковъ, которое укоренилось въ темномъ народѣ лестью и обманомъ, и въ которое онъ попалъ насиліемъ враговъ, воевавшихъ не истиною Божія слова, а обманомъ, мечемъ и огнемъ.

Какая была судьба православныхъ послѣ брестской униі, объ этомъ написали ученые люди много книгъ. Мы опишемъ это только вкратцѣ. Православные, непріявшіе униі, были гонимы до крови. Мало того, что они должны были слушать невѣроятныя у христіанъ ругательства и насмѣшки надъ ихъ вѣрой, но имъ не позволяли въ ихъ тяжелыхъ страданіяхъ и Богу помолиться. Православныя церкви или насильственно запечатывали, или ихъ отдавала польская шляхта какъ и корчмы, арендаторамъ евреямъ, какъ это поется и въ народныхъ пѣсняхъ. Родился у православнаго ребенокъ, онъ долженъ былъ уплатить деньги еврею, у котораго были церковныя ключи и веревки отъ колоколовъ; умеръ кто, еврей разрѣшалъ за деньги внести тѣло въ церковь; на Пасху православному нельзя было печь себѣ пасхальный хлѣбъ, а долженъ былъ онъ погупать его у еврея съ его клеймомъ. Священникъ не смѣлъ при церкви освящать пасхальныхъ хлѣбовъ, пока не придетъ еврей и не осмотритъ, всѣ ли хлѣбы съ его клеймами. Еврей медлилъ, народъ ждалъ иногда до

поздняго часа, пока его не дождался, и не могъ безъ него разговѣться, — вотъ и сложилась пѣснь, какъ народъ радуется, что уже ѣдетъ арендаторъ Зельманъ и разрѣшитъ попу посвятить хлѣбы, провѣривъ клейма. Во всей Галиціи и въ настоящее время еще поетъ народъ:

Бде, бде, Зельманъ,

Бде, бде, его братъ,

Бде, бде, цѣла

Зельманова родина (семья).

Когда народъ, доведенный до крайности, въ отчаяніи въ Полоцкѣ бросился на одного изъ главныхъ виновниковъ такихъ гоненій, униатскаго архіепископа Иосафата, любимца іезуитовъ, фанатика, печатавшаго православныя церкви и предававшаго несчастныхъ православныхъ на мученіе въ тюрьмы, — и убилъ его, тогда написалъ папа Урбанъ VIII королю письмо, «*что-бы не шадилъ огня и меча*!» И не шадилъ. Православныхъ убивали, жарили на огнѣ, разрывали въ куски, сажали на колы, снимали съ нихъ живыхъ кожу, отнимали имущества, грабили, и текла братская славянская кровь, и русскія православныя дѣвицы должны были вмѣсто лошадей запрягаться въ телеги и возить изъ деревни въ деревню жирныхъ іезуитовъ, ругающихъ святыни ихъ отцовъ, и вводящихъ новое богохульное ученіе.

Съ прискорбіемъ и удивленіемъ смотрѣлъ народъ на такія безобразія. Болѣе слабые духомъ сдавались, избѣгая гоненій, лучшіе люди все терпѣли, не отступая отъ вѣры отцовъ своихъ. Ужасно трудное было положеніе священниковъ. За малѣйшее подозрѣніе въ преданности православію ихъ прогоняли, били и ввергали въ тюрьмы, въ которыхъ многіе померли въ жестокихъ мучахъ. Такихъ ужасовъ не испытывали наши предки даже отъ татаръ, не преслѣдовавшихъ за вѣру.

Но не много лучше жилось и униатамъ. Ихъ ненавидѣли всѣ: ксендзы и поляки за то, что они имѣютъ еще свои церкви и свои обряды, хотя искаженные, но все таки *восточные*, а не сдѣлались чистыми католиками. Православные ихъ ненавидѣли какъ отступниковъ отъ истинной соборной церкви, о нихъ говорили съ презрѣніемъ, что они *бѣжали изъ Константинополя, и не добѣжали до Рима*. И всѣ ихъ оставили: польскіе паны, такъ называемые патроны, не заботились объ ихъ церквахъ и духовенствѣ, и церкви униатскіе пришли въ разрушеніе. По городамъ онѣ стояли или среди отвратительныхъ жидовскихъ лачугъ, бѣдныя, низкія, грозящія паденіемъ, безъ

оградъ, у стѣнъ ихъ рыли свиньи, творили безобразія еврейскія дѣти. По деревнямъ онѣ стояли иногда покрытыя соломой, вызывали презрѣніе, и чтобы принадлежать къ нимъ, нужно было большое самоотверженіе, особенно въ виду католическихъ костеловъ, великолѣпно построенныхъ, иногда съ высокими башнями и внутри славно приукрашенныхъ на средства, добытыя горькимъ трудомъ русскаго поработеннаго народа. Такъ оказалось, что всѣ обѣщанія папъ о почтеніи русской обрядности и сравненіи въ правахъ уніатскаго духовенства съ латинскимъ совершенно ложны; такъ оказалось, что всѣ грамоты папъ, которыми уніатамъ воспрещается принимать латинство, были только ловушкой, а на дѣлѣ латинскіе ксендзы перетягивали въ латинство *цѣлыя селенія* и за это удостоивались награды, но никогда не получали упрековъ отъ папы и всей римской куріи. Посмотрите даже теперь на окрестности Вильны, Полоцка, Холма, и увидите, какую цѣну имѣли такія папскія грамоты. Всѣ почти деревни вокругъ этихъ городовъ совершенно олатинены и ополячены, и такое олатиненіе долго не прекращалось даже подъ русскимъ правительствомъ, пока оно не обратило на это своего вниманія и не стало защищать уніатовъ отъ латинянь-поляковъ.

Таковы были плоды уніи. Она основана была на лжи, ложью заведена и потому ее постигла такая судьба, какая обыкновенно постигаетъ ложь; т. е., ложь продолжается только до тѣхъ поръ, пока не обнаружится, что она дѣйствительно ложь.

Унія была и главною причиною паденія Польши. Глубоко оскорбленный въ своихъ религіозныхъ чувствахъ православный народъ возсталъ противъ угнетателей и гонителей его древней церкви, явились герои, мстители за вопіющія обиды, смуты продолжались, кровь текла, горѣли города и села, рѣзались христіане и свирѣпствовали другъ противъ друга хуже дикихъ звѣрей, пока не явился Богданъ Зиновій Хмѣльницкій, и не убѣдилась вся западная и южная Русь, что въ Польшѣ для нея нѣтъ ни мира, ни спасенія, и что единственное средство осталось: идти *«подъ власть восточнаго царя православнаго.»*

Унія тогда погибла во всѣхъ областяхъ, перешедшихъ подъ власть Россіи. Осталась она только въ тѣхъ частяхъ западной Россіи, гдѣ осталась власть Польши; но съ половины прошедшаго вѣка унія и здѣсь стала колебаться, злоупотребленія шляхты и ксендзовъ вызвали кровавыя времена коліевщины, ужасно мстила южная Русь свои обиды, и когда послѣдовали раздѣлы Польши, то погибла и

унія въ большей части вновь присоединенныхъ къ Россіи странъ Малороссіи и Бѣлороссіи. Слишкомъ три милліона уніатовъ перешло тогда въ православіе. Унія осталась только въ западныхъ частяхъ Бѣлороссіи, Малороссіи и въ Холмской Руси. Русское правительство не трогало ее, пока сами уніаты не стали убѣждаться въ ея вредѣ и пока не выступили свѣтлые уніаты, которые стали доказывать, что уніатскіе полулатинскіе обряды не имѣютъ смысла, переполнены противорѣчіями и несообразностями, и пожелали исправить ихъ. Унія завела «*тихія мши*» (обѣдни, изъ латинскаго слова *missa*), органы, всю литургію исковеркала, такъ что св. Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ и Григорій Двоесловъ не могли бы признать эти литургіи за свои.

Что такое литургія? — Это слово греческое, значить: «*общее дѣло*», общая молитва народа подъ руководствомъ священника. Какъ можетъ общая молитва, въ которой долженъ участвовать весь народъ, быть тихою, шопотомъ произносимою? Что значить шопотомъ сказанное: Миромъ Господу помолимся? Какъ можетъ народъ отвѣтить: Господи помилуй—на то, чего онъ не слышитъ? Какое значеніе имѣютъ шопотомъ сказанныя слова: Премудрость, прости, *услышимъ* святаго евангелія, когда никто не услышитъ этого, развѣ одинъ только прислуживающій священнику при алтарѣ услышитъ это? Какое значеніе имѣло въ уніи воздѣваніе рукъ при возгласахъ на «нынѣ и присно» предъ Трисвятымъ и предъ Херувимской пѣснью? Не было ли это простымъ, рабскимъ подражаніемъ латинскимъ ксендзамъ, воздѣвающимъ руки при словахъ «*Dominus vobiscum*»? Какъ могло быть въ уніи запрещено благословеніе народа при словахъ «Миръ всемъ» или «И да будутъ милости великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами», и «Благодать Господа... со всеми вами»? А вотъ, потому это благословеніе запрещено, что латинскій ксендзъ только разъ благословляетъ народъ на литургіи, поэтому и уніатъ долженъ только разъ благословлять. Уніатъ долженъ во всемъ рабски подражать латинскому ксендзу. Носятъ латиняне на пасху изваянную фигуру воскресшаго Христа, и уніаты должны носить, хотя въ восточной церкви не полагаются никакія изваянныя фигуры. Празднуетъ латинскій ксендзъ «*Божье тѣло*» съ крестнымъ ходомъ, и уніатскій священникъ долженъ праздновать. Празднуетъ латинскій ксендзъ «*Непокаляне поченцье*» и уніатъ долженъ вводить неизвѣстный православнымъ лже-догматъ о «непорочномъ зачатіи св. Анны». Словомъ, уніатскій священникъ долженъ считать римскій обрядъ образцомъ и

отъ него заимствовать все, что можно, чтобы этимъ приукрасить свой «грубый» церковный обрядъ, облагородить и поднять его. Уніатъ долженъ праздновать память жесточайшаго гонителя православія Иосафата*, и при всѣхъ молитвахъ упоминать его имя послѣ святаго чудотворца Николая? Это возможно было лишь до тѣхъ поръ, пока среди уніатовъ была тьма, и они не знали исторіи введенія уніи въ Полоцкѣ. Уніатъ долженъ и въ жизни подражать ксендзамъ и католикамъ, ломать въ сочельникъ оплатки (опрѣсноки), говорить не иначе, какъ по польски, и обзывать все русское низкимъ и мужицкимъ, чтобы заслужить «панску ласку», для полученія изъ его рукъ презенты на приходъ. А хочеть уніатъ быть совершеннымъ, долженъ высылать своихъ сыновъ въ польскіе мятежи, отвоевывать Польшу, осчастливившую его такую унією! — Далѣе, гдѣ богатства и имущества русской земли? Гдѣ наше народное величіе и народная честь? Нашъ цвѣтъ, наши православные княжескіе и дворянскіе роды оставили народъ, пошли къ его врагамъ, сплотились съ ними и составляютъ съ ними фалангу гонителей всего, что русское и уніатское. Они настроили и обогатили множество костеловъ и кляшторовъ, шумѣли, бунтовались! Но Богъ не далъ имъ добра, какъ братоубійцѣ Каину. Ихъ сила падаетъ трижды. На многихъ богатыхъ помѣстьяхъ жирбють вѣмцы и жидава (въ Галиціи), а они служатъ чужимъ, потому что оставили свою вѣру и свой народъ. Гдѣ наше мѣщанство и купечество? Тезуиты и поляки взяли его у насъ и, чтобы Русь убить, весь промыслъ отдали жидамъ, которыми кишать въ настоящее время большіе города, гдѣ предъ нашею нещастіемъ тѣхъ незваныхъ проповѣдниковъ уніи были свои русскіе мѣщане и купцы, составляли русскія православныя братства, много послужившія для православія, какъ львовское и виленское.

Минуло царство польское, и для уніи не стало опоры въ ея короляхъ и шляхтѣ. Еще до мятежа 1831 года начали лучшіе и свѣтлѣйшіе люди среди самихъ уніатовъ думать о воссоединеніи съ православной церковью и спасеніи народа отъ совершеннаго его окатоличенія и ополяченія. Избраннымъ къ этому великому дѣлу и неутомимымъ дѣятелемъ явился виленскій епископъ Іосифъ Сѣмашко, при которомъ въ 1839 году совершилось воссоединеніе, 50-лѣтній юбилей котораго въ нынѣшнемъ году радостно празднуемъ.

*) Только въ Червонной Руси не праздновали.

III.

Возсоединеніе.

Мы говорили, Малороссія и восточная Бѣлоруссія воспользовались присоединеніемъ къ Россіи и возсоединились съ праотеческой церковью. Въ нихъ были еще живыя преданія объ исповѣдникахъ и мученикахъ за вѣру, и унія существовала тамъ только въ качествѣ необходимаго зла, отъ котораго нельзя было освободиться при Польшѣ. Хуже было въ западной части Малороссіи (Волыни), въ западной Бѣлоруссіи и въ Забужьѣ. Тутъ успѣла польско-римская пропаганда пустить глубокіе корни, и нашла, особенно среди болѣе уступчиваго Бѣлорусскаго племени, болѣе удобную почву для своихъ цѣлей. Число уніатскихъ, литовско-русскихъ душъ умалилось до полутора милліона, за то болѣе чѣмъ удвоилось число перехваченныхъ въ латинство. Цѣлыя селенія отказывались отъ унии, и опоячивались. Такъ пишетъ великій святитель митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, что когда онъ въ 1827 году былъ въ Петербургѣ ассессоромъ римско-католической коллегіи по уніатскимъ дѣламъ, тамъ разбиралось дѣло о переходѣ изъ унии въ латинство 20,000 душъ и такіе переходы совершались обыкновенно тихо, безъ огласки, только коллегія принимала ихъ къ свѣдѣнію. Знали объ этомъ римскіе папы изъ докладовъ коллегіи, но они не махнули ни разу перомъ въ пользу унии, чтобы внушить польскимъ ксендзамъ, что такое поголовное приниманіе уніатовъ въ католичество уничтожаетъ всякіе договоры, утвержденные папами въ Римѣ 1595 года, и уничтожаетъ самую унію, которая является не имѣющей никакихъ правъ, никакой защиты, а зависитъ отъ простаго произвола, лжи и обмана. Такія совращенія въ латинство напротивъ приводили папъ и ихъ слугъ въ восторгъ и совратители вознаграждались обильно. Спросимъ еще разъ, какое значеніе имѣли слова римскихъ папъ въ договорѣ съ русскими епископами Поцѣмъ и Терлецкимъ? А слова папы Венедикта XIV, писавшаго въ буллѣ (Allatae sunt), что желаніе папъ не то, чтобы всѣ были латинянами, а только то, чтобы всѣ были католиками, оказались ли когда нибудь на дѣлѣ? Нѣтъ, никогда! На дѣлѣ оказалось совершенно противное. Но никто не вступался за уніатовъ. Въ Россіи отъ вѣковъ существовала свобода вѣроисповѣданій; православные стѣснялись вторгаться въ дѣла уніатовъ, какъ людей, чуждыхъ ихъ матери, православной церкви, и нерѣдко считали ихъ хуже чистыхъ католиковъ, почему иные изъ русскихъ

равнодушно смотрѣли на окатоличеніе ихъ. Но пока уніаты еще держали свои обряды, пока хотя одна литургія была у нихъ еще на славянскомъ языкѣ, всетаки была связь ихъ съ православнымъ востокомъ; когда же они оставляли унію, они оказывались уже на другой сторонѣ моста на пути въ Римъ и Варшаву, для чего и выдумана была уніа.

Еще бы прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, и всѣ эти полтора милліона литовско-русскихъ уніатовъ были бы совершенно окатоличены и ополячены. Но промыслъ Божій къ концу первой четверти нынѣшняго столѣтія послалъ страдающей Своей церкви мужа глубокой вѣры, высокихъ христіанскихъ добродѣтелей, свѣтлаго ума и желѣзнаго, ничѣмъ неустрашимаго характера, который, какъ второй Моисей, видя свой народъ послушнымъ лжи и рабски покоряющимся дикому произволу иноплеменниковъ, возгорѣлъ святою жаждой открыть ему глаза, освободить отъ царства лжи и обмана, и привести на лоно любящей его матери, православной церкви. Этимъ Моисеемъ для литовско-русскихъ уніатовъ былъ выше упомянутый архіепископъ Іосифъ Сѣмашко.

Онъ родился въ Кіевской губерніи, липовецкаго уѣзда, въ деревнѣ Павловкѣ, въ 1798 году, въ самый день Рождества Христова, 25-го Декабря. Его дѣдъ Тимошей Сѣмашко былъ тамъ уніатскимъ священникомъ еще при польскомъ владѣніи и чуть-чуть не попалъ за приверженность къ русскимъ на висѣлицу. Отецъ и мать его были уніатами, жили въ нѣсколькихъ шагахъ отъ православной церкви и хотя сами не посѣщали ее, но молились при ней въ саду; молодой же Іосифъ въ дѣтствѣ посѣщалъ ее въ каждое воскресенье и праздниги и рассказывалъ родителямъ дома все, что слышалъ, апостолы и евангелія. Родители его были весьма благочестивые и высоконравственные люди, и воспитывали въ благочестіи и строгой нравственности всѣхъ своихъ дѣтей.

Въ Малороссіи была общей чертой народнаго характера ненависть къ угнетателямъ крестьянина полякамъ, которыхъ называли «негидными ляхами». Былъ то плодъ невыносимыхъ гоненій и мученій, которыя долженъ былъ выстрадать народъ, преданный произволу пановъ, на которыхъ крестьянину не было возможности и жаловаться. Это нерасположеніе къ ляхамъ не могло не отразиться и въ благородной душѣ молодаго Іосифа, видѣвшаго вездѣ униженіе и притѣсненіе русскаго народа въ его родной землѣ.

Отецъ Іосифа былъ хозяиномъ на пятидесяти десятинахъ земли и занимался тоже чумачествомъ, т. е. возилъ хлѣбъ въ Крымъ и оттуда соль или съ Дону рыбу, пока въ 1811 г. не былъ рукоположенъ въ

уніатскіе священники. У отца Іосифа, что въ то время бывало рѣдко, была и небольшая бібліотека хорошихъ, особенно историческихъ книгъ, чтеніемъ которыхъ молодой Сѣмашко занимался въ зимнее и вообще свободное отъ другихъ занятій время. Онъ читалъ ихъ очень прилежно, выучилъ римскую и англійскую исторію, прочиталъ всю біблію три раза, и зналъ ее отлично. Какъ малороссъ, онъ любилъ и пѣніе, которое въ Малороссіи неразлучно со всякими семейными торжествами и со всякими домашними и полевыми занятіями. Особенно любилъ онъ церковное пѣніе, въ немъ находилъ высокое духовное наслажденіе.

Онъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ о снѣ, который однажды видѣлъ его отецъ. Снилось его отцу, что онъ велъ своего сына (Іосифа) за руку по чистому безграничному полю, къ какому-то уединенному огромному зданію. Передъ ними открыли первую и вторую залы. Съ открытіемъ третьихъ дверей показались предъ ними въ перспективѣ пышныя палаты, одна другой великолѣпнѣе, наполненныя людьми, чѣмъ далѣе, тѣмъ по видимому болѣе знаменитыми. Но въ эти двери и далѣе пустили только его малютку, передъ отцемъ же его двери закрылись. Когда отецъ Іосифа, послѣ окончанія имъ гимназіи, отправлялъ его въ университетъ, то вспомнилъ этотъ, по его мнѣнію, пророческій сонъ. «Помнишь мой сынъ» — сказалъ отецъ, «пустое безграничное поле, это — жизнь, которую ты получилъ отъ меня, двери въ первый залъ, это — домашнее воспитаніе, второй залъ — гимназическое ученіе; — то и другое получилъ ты отъ меня; въ третьи двери мнѣ уже за тобой не слѣдовать, — ступай съ Богомъ, пусть Онъ тебя проведетъ по этимъ пышнымъ палатамъ». И предвѣщанное во снѣ сбылось. Молодой Іосифъ кончивъ гимназію въ Немировѣ, по ходатайству брата его дяди по матери Кирилла Сѣроцинскаго (бывшаго послѣ епископомъ), былъ принятъ въ главную семинарію въ Вильнѣ при университетѣ, въ 1816 году, гдѣ было 34 римско-католическихъ и 16 греко-уніатскихъ воспитанниковъ. Живя въ главной семинаріи среди латинянъ, не могъ онъ не поддаться влиянію товарищей и начальства, пропитанныхъ насквозь польскимъ и католическимъ духомъ. Но случайно попали тамъ въ его руки сочиненія, изданныя въ Австріи подъ влияніемъ духа царствования императора Іосифа II, въ которыхъ много писано было противъ злоупотребленій папской власти. И профессоръ Клоневичъ и италіянецъ Капелли смѣло поддерживали въ своихъ преподаваніяхъ авторовъ сихъ книгъ. Такъ случилось, что Іосифъ вышелъ

изъ семинаріи безъ предубѣжденій противъ православной церкви и съ сильными предубѣжденіями противъ римской.

Тогда было такое время, что Вильна и вообще Литва считались уже чисто польскими, и каждый полякъ не хотѣлъ ничего и слышать о какой нибудь русской книгѣ или рѣчи. Поляки въ этомъ отношеніи очень строги и считаютъ всякаго уніата, читающаго русскія книги, просто преступникомъ. Когда Іосифъ былъ еще въ семинаріи, товарищъ его Антоній Зубко (послѣ епископъ) досталъ какъ то номеръ стариннаго журнала *Улей*. Они пересматривали его въ ботаническомъ классѣ до прихода профессора. Какой сдѣлался тогда шумъ среди свѣтской молодежи? «Развѣ такіе намъ нужны священники»!... кричали они, «которые забываютъ мать Польшу... которые сочувствуютъ Россіи»... И они должны были скоро спрятать журналецъ.—Нынче, слава Богу, иначе...

Кончивши университетъ, 22 лѣтній Іосифъ отправился изъ Вильны въ Жидичинь, въ семи верстахъ отъ Луцка, гдѣ жилъ тогда его мѣстный преосвященный Яковъ Мартусевичъ. Онъ рукоположилъ его, не женатаго, немедленно въ иподіакона, а вскорѣ въ діакона, и сдѣлалъ засѣдателемъ Луцкой консисторіи, гдѣ Іосифъ хорошо познакомился съ консисторскими дѣлами, при официалѣ Гачевскомъ; но когда тотъ вскорѣ умеръ, то все консисторскія дѣла долженъ былъ вести І. Сѣмашко. На 23 году жизни былъ онъ, съ разрѣшенія митрополита, (по римскимъ законамъ требуется 24-лѣтній возрастъ), рукоположенъ епископомъ Яковомъ во іерея. Такъ какъ консисторія вела переписку съ гражданскими властями только по русски, то это побудило Іосифа изучить русскій литературный языкъ. Но еще большая польза вышла для І. Сѣмашки отъ того, что онъ познакомился съ нуждами и бѣдственнымъ положеніемъ уніатовъ между православною и латинскою церквами. Православные нападали на нихъ, тѣсня ихъ по разнымъ дѣламъ, часто явно несправедливо; римляне же брали съ нихъ все подъ видомъ дружбы. Это заставляло Іосифа часто призадумываться и извинять больше православныхъ, чѣмъ римлянъ. И самъ преосвященный, человѣкъ предобрый и достойный во всѣхъ отношеніяхъ, но воспитанникъ іезуитовъ, противъ своей воли вооружалъ его противъ римлянъ, а не противъ православныхъ, потому что преувеличивалъ свои понятія о папствѣ и Римѣ.

1822 г., на 24 году жизни, назначенъ былъ молодой іерей І. Сѣмашко засѣдателемъ коллегіи по римско-католическимъ и уніатскимъ дѣламъ въ Петербургѣ на три года на мѣсто Кирилла

Сѣроцинскаго. Тамъ почувствовалъ онъ еще больше силу римскаго католицизма, потому что видѣлъ многія его злоупотребленія. Особенно сильно подѣйствовало на него дѣло о присоединеніи къ римско-католической церкви 20,000 униатовъ. Соображая такіе печальные факты съ лекціями своихъ виленскихъ профессоровъ Клончевича и Капелли и съ австрійскими іосифовскими изданіями, онъ убѣдился, что борьба съ такою властью, какъ Римъ съ іезуитами, немислима, что Римъ никогда не сдерживаетъ принятыхъ на себя обязанностей, имѣя на все коварныя извиненія, и что напрасно ожидать отъ него справедливости. Въ коллегіи всѣ удивлялись необыкновенно твердому его характеру. Когда тамъ всѣ дѣла рѣшались обыкновенно по предложеніямъ римско-католическихъ засѣдателей, онъ первый имѣлъ смѣлость противорѣчить во всемъ, что не сходно было съ его убѣжденіемъ, обставлялъ свои мнѣнія пространными доказательствами, и побѣждалъ. Это очень огорчало польскихъ прелатовъ, они ненавидѣли его и боялись его непобѣдимаго характера и его способностей въ защитѣ правды.

Пребывая въ Петербургѣ, онъ имѣлъ случай читать разныя богословскія и историческія книги и убѣдился въ истинѣ восточной православной церкви, яко апостольской и каеолической. Онъ часто посѣщала, переодѣтый въ мірское платье, православныя церкви, наслаждался чуднымъ богослуженіемъ и пѣніемъ и сравнивалъ это все съ страшнымъ запустѣніемъ въ униатской церкви. Еще на пути въ Петербургъ въ Псковской губерніи онъ видѣлъ уже по деревнямъ хорошія каменные церкви, жестию покрытыя, съ колокольнями, съ хорошими оградами, и сравнивалъ ихъ съ разваливающимися униатскими церквами, о которыхъ, есть ли онѣ или нѣтъ, никто не заботится, да и разрушеніе ихъ многимъ было желательно. И вотъ родилась у него мысль: зачѣмъ же намъ униатамъ, гонимымъ самими тѣми, которые завели унию, которая стоила столько крови, держаться гонителей пламенно желающихъ нашего уничтоженія? Гдѣ же деревня наша, нѣкогда православная Русь, которая, пребывая въ единеніи со всею апостольскою церковью, отличалась истинно христіанскимъ благочестіемъ? Гдѣ храмы ея, въ которыхъ она спасалась? Они или разрушены въ униі безъ слѣда, и на ихъ мѣстѣ построены великолѣпные костелы, въ которыхъ проклинается вѣра нашихъ отцевъ, или стоятъ еще, но почти въ развалинахъ, потому что погибло ихъ стадо, или борется еще теперь, спрашивая себя: быть или не быть? и не находить человѣка, кто далъ бы ему искреп-

ній совѣтъ. Сравнивая велелѣшіе православнаго богослуженія и чудный смыслъ его обрядности, онъ спрашивалъ себя: что же наша унія и зачѣмъ же намъ распинаться за нее? Уніатская обрядность дошла съ своимъ приближеніемъ къ латинству до нечѣпостей. Устранили царскія врата, а поютъ «двери, двери», когда нѣтъ уже дверей. Переносятъ служебникъ съ одной стороны на другую. Зачѣмъ? Да, потому, чтобы народъ зналъ, что будетъ чтеніе евангелія. Въ латинской мессѣ это допускается потому, что тамъ непонятный латинскій языкъ и только такимъ знакомъ можетъ народъ узнать, что будетъ читаться евангеліе, а у насъ священникъ или діаконъ возглашаетъ громко: *услышимъ* святаго евангелія тако-го-то евангелиста. Но уніаты переносятъ служебникъ потому, чтобы *рабски подражать латинскому ксендзу*. Что значить читанная шопотомъ обѣдня? Для кого она? Самое же возмутительное, это уніатскіе праздники, такъ называемые «*отпусты*», на которые съѣзжается много священниковъ «съ мшами». Тогда одному или тремъ соборнѣ назначается пѣть обѣдню (спѣвати сумму), а прочіе читаютъ «мши» при алтарикахъ, часто и такихъ, на которыхъ и антиминсовъ нѣтъ, и уніать этого и не спрашиваетъ (антиминсъ, если есть, находится прикрытъ скатертями или платками и трудно и добраться до него, развѣ раскрыть весь алтарикъ); такъ часто служить уніать и *безъ антиминса*, гдѣ нибудь, гдѣ только передъ иконой есть мѣстечко и есть служебникъ, который по примѣру латинскаго «*missale*» долженъ быть большаго формата. Тогда въ такіе праздники въ церкви невыразимый хаосъ. Одновременно служатъ четыре или больше обѣденъ. При великомъ алтарѣ служатъ сумму, и дьячки поютъ, каждый стараясь перекричать другаго, при малыхъ алтарикахъ читаютъ, здѣсь «премудрость прости» и читается евангеліе, тутъ: «со страхомъ Божиимъ», и колокольники заглушаютъ слова евангелія, а третій благословляетъ народъ: «Благословеніе Господне на васъ» и пр. Никто не разберетъ, что это такое: богослуженіе ли это, или насмѣшка надъ богослуженіемъ? Отъ того и неудивительно, что православный, видя такой хаосъ, такое служеніе, неимѣющее никакого смысла, не можетъ терпѣть уніи и уніатовъ за ихъ безуміе, что они могли принять такую безтолковщину отъ Рима, и неудивительно, что православные говорятъ уніатамъ: вы считаете уже папу богомъ, не хотите отлучиться отъ него, пусть такъ; но, ради Бога, оставьте уже и православную обрядность, не дѣлайте изъ нея предмета поруганія и насмѣшекъ! Неудивительно, что и самъ народъ, видя такіа

безобразія, думаетъ, что это все не такъ должно быть, и недоумѣваетъ, что дѣлать съ собой, куда обратиться? Отречься папы? Но за это, учать его иезуиты, *неизбѣжно попадешь въ адъ*, такъ лучше уже отречься отъ униатскаго обряда, и отрицается. Какой же выходъ изъ такой уни? Да другаго выхода нѣтъ, говорилъ о. Иосифу голосъ совѣсти, какъ *возвратится къ источнику воды*, къ православнои каголической церкви, къ краеугольному ея камню и главѣ—Христу.

Такия мысли приходили Иосифу Сѣмашкѣ, когда онъ засѣдалъ въ римско-католической коллегіи, которая съ униатами обращалась совершенно безцеремонно. Его душа болѣла за свою церковь, за свой народъ, преданный въ рабство чужимъ пришельцамъ; но онъ поставленъ униатскимъ священникомъ, онъ долженъ былъ при рукоположеніи читать присягу на вѣрность римскому престолу, составленную папою Урбаномъ VIII, тѣмъ самымъ, который пооприядъ короля польскаго обратиться къ огню и мечу, чтобы истреблять православныхъ. Страшно ему было выступить съ этими мыслями предъ своими единовѣрцами и земляками, которые тогда въ темнотѣ своей не поняли бы его, возмутились бы, возбуждаемые поляками и самими *униатами*, воспитанниками иезуитовъ. Чтобы такое святое дѣло ввести въ жизнь, нужна была большая осторожность, и зналъ это Иосифъ Сѣмашко превосходно. Потому хранилъ онъ тѣ мысли въ своемъ сердцѣ, объявляя ихъ только близкимъ друзьямъ своимъ. Но Господь послалъ ему случай, которымъ онъ воспользовался, чтобы довести до свѣдѣнія государственныхъ властей истинное положеніе униатской церкви, положеніе совершенно безвыходное, грозившее общимъ совращеніемъ оставшагося еще при ней народа въ латинство, и потерю его для Руси, такъ какъ униаты, принявшіе уже разъ латинство, дѣлались тѣмъ самымъ и поляками, т. е. врагами Россіи. Вступившій тогда не давно на всероссійскій престолъ незабвенный Императоръ Николай Павловичъ глубокимъ своимъ умомъ и зоркимъ глазомъ вникнулъ въ суть униатства, и душевно жалѣлъ, что пропадаетъ въ немъ русскій народъ, предки котораго такъ крѣпко защищали отъ вражѣихъ навѣтовъ свою прародительскую церковь. Зоркій глазъ его усмотрѣлъ корень зла въ томъ, что въ униатское монашество вступали по хорошо обдуманному плану коварныхъ иезуитовъ, съ разрѣшенія папъ, люди римскаго вѣроисповѣданія дворянскихъ польскихъ родовъ, разумѣется, не съ намѣреніемъ утверждать унию и беречь въ ней папами утвержденныя права восточной обрядности, а, напротивъ, съ намѣреніемъ извратить

уніатство такъ, чтобы народъ самъ бросалъ унію и поголовно переходилъ въ латинство и увеличивалъ въ русскихъ земляхъ число костеловъ и латинскихъ душъ во славу папъ и Польши.

Императоръ Николай Павловичъ проникъ это все своимъ глубокимъ умомъ, и Высочайшимъ указомъ отъ 9 октября 1827 года воспретилъ принимать римлянъ въ уніатское монашество, и велѣлъ учредить училища и семинаріи для уніатскаго духовнаго юношества, чего прежде уніаты не могли добиться потому, что іезуиты старались нарочно удерживать уніатское духовенство въ крайнемъ невѣжествѣ, чтобы оно ничего не знало о прошломъ православной церкви, о ея догматахъ, соборахъ и пр., а было только слѣпыми исполнителями ихъ воли. Іезуиты старались о томъ, чтобы польскіе и ополченные паны именно на самыя вліятельныя мѣста, напр. по городамъ, давали епископамъ рукополагать своихъ обыкновенно плохой нравственности лакеевъ, поваровъ, конюховъ и пр., которые обирали народъ и безобразною жизнью были позоромъ уніатскаго духовенства, и тѣмъ содѣйствовали переходу уніатовъ въ латинство. Разумѣется, польскіе «шляхтичи», сдѣлавшись монахами, а послѣ епископами, были одного духа съ панами и никогда не старались просвѣщать духовенство, наоборотъ старались держать его въ темнотѣ, рабствѣ и зависимости.

Душевно возрадовался о. Іосифъ изданію такого указа и душа его желала раздѣлить съ кѣмъ либо такую радость. Къ этому самъ собою представился случай. Того же 1827 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ пришелъ о. Іосифъ, по порученію епископа Сѣроцинскаго, по частному его дѣлу, къ директору департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ вѣроисповѣданій Григорію Ивановичу Карташевскому. Послѣ частнаго дѣла, Григорій Ивановичъ, которому молодой о. Іосифъ очень понравился, вступилъ съ нимъ въ разговоръ по дѣламъ уніатской церкви. Сначала не смѣло, но послѣ смѣлѣе высказалъ о. Іосифъ ему все, что давило его сердце. Карташевскій пожелалъ, чтобы о. Іосифъ составилъ о сказанномъ ему записку. Возвратившись домой, онъ сѣлъ и въ одну ночь составилъ странную записку, начиная ее благодареніемъ за Высочайшій указъ объ устраниніи польской шляхты отъ уніатскаго монашества и при томъ изложилъ всю исторію уніи и всѣ коварные поступки Рима и іезуитовъ, которыми они просто уничтожаютъ уніатскую церковь, указывая мѣстѣ съ тѣмъ и средства, какими можно бы освободить уніатское населеніе отъ вліянія его враговъ.

Директоръ департамента Карташевскій, получивъ эту знаменитую записку, представилъ ее министру Шишкову, а тотъ Государю Николаю Павловичу. Какой восторгъ вызвало въ Иосифѣ сообщеніе Карташевскаго, что Государь на его записку изволилъ обратить вниманіе и написать карандашемъ свое о томъ мнѣніе, изъ котораго остались въ памяти о. Иосифа слѣдующія драгоценныя слова: *«Я съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ записку, представляющую мнѣ сами... я радъ, что мы имѣемъ такое орудіе... объявите ему все это, и мое удовольствіе.....»* Объ этихъ словахъ писать о. Иосифъ, что они доставили ему гораздо больше удовольствія, чѣмъ всѣ послѣ полученныя награды. Но еще большее было утѣшеніе о. Иосифу, когда онъ два года спустя съ митрополитомъ Булгакомъ и епископомъ Мартусевичемъ представлялся Государю въ царскомъ кабинетѣ, и былъ удивленъ самымъ пріятнымъ образомъ, когда Государь Императоръ, излагая имъ положеніе уніатской церкви, почти слово въ слово повторялъ цѣлыя мѣста изъ его записки. И дѣйствительно покойный Государь принималъ къ сердцу дѣло уніатовъ и занимался имъ, какъ отецъ своего русскаго народа, безъ вины, а теченіемъ несчастной исторіи, совращеннаго въ уніатство. Имѣя въ самомъ Государѣ крѣпкую опору для своихъ святыхъ намѣреній, о. Иосифъ сдѣлалъ задачей своей жизни воссоединеніе заблуждшихъ братьевъ и считалъ себя орудіемъ Божиимъ, избраннымъ на такой великій подвигъ еще изъ дѣтства.

Но не смотря на то, что Государь Императоръ Николай Павловичъ такъ сочувственно относился къ этому дѣлу, очень важному для церкви и государства, осуществленіе его было чрезвычайно трудно. Слишкомъ глубоко вкоренилось зло и разрослось подъ кроткимъ правленіемъ Александра I, при которомъ подъ вліяніемъ князя Чарторійскаго поляки успѣли хорошо обдѣлать всѣ свои дѣла и укрѣпились особенно въ Литвѣ, которая переполнена была учениками іезуитовъ; не лучше было и въ Луцкой епархіи. Достаточно упомянуть о фактѣ, что въ 1807—1808 годахъ совратилось 50,000 уніатовъ въ латинство, переходя въ него *цѣлыми громадными ризодами*. Видя такой вредъ для государства, такое усиленіе польской народности на русской землѣ, правительство старалось прекратить такіе переходы, но это было не легкое дѣло, такъ какъ польская шляхта, научаемая іезуитами, дѣлала все, чтобы поставить уніатскую церковь просто въ безвыходное положеніе. Во главѣ же уніатской церкви стояли, послѣ давно уже тогда почившаго митрополита Праклія Лисовскаго и его преемника на Пляцкой каедрѣ, епи-

скопа Иоанна Красовскаго, подведеннаго теперь униатскими монахами и латинянами подъ судъ; архіереи слабыхъ характеровъ или польско-католическіе фанатики.

Въ такомъ положеніи засталъ Іосифъ Сѣмашко униатскую церковь въ началѣ своей многополезной дѣятельности. Скоро оказались послѣдствія упомянутой его записки, которую читалъ Государь. Не только нельзя было уже принимать въ римское католичество униатовъ и въ униатскіе монастыри римскихъ католиковъ, но послѣдовали и другія важныя мѣры въ пользу униатской церкви, которыя сильно встревожили іезуитовъ и поляковъ. Тщетными оказались ихъ надежды окончательно завладѣть униатской церковью.

Не помогли имъ и остававшіеся въ униі епископы, вышедшіе изъ ихъ среды, для которыхъ переходъ униатовъ въ латинство не только не представлялся зломъ, напротивъ, желателенъ былъ ихъ польскому сердцу, потому они и не противились такимъ громаднѣмъ совращеніямъ русскихъ душъ въ латинство. Такимъ архіереемъ былъ тогдашній митрополитъ Іосафатъ Булгакъ, католикъ польской дворянской фамиліи, а другіе хотя и были сыновьями священниковъ, но, по своему воспитанію, близки были къ полякамъ. Государь Николай Павловичъ, какъ мы видѣли, положилъ преграду окатоличенію и ополяченію запрещеніемъ принимать католиковъ-поляковъ въ униатскіе монастыри. Этотъ указъ былъ началомъ дальнѣйшаго движенія униатскаго дѣла, и сильно опечалилъ Польшу и Римъ, тѣмъ болѣе, что послѣдствіемъ записки о. Іосифа было то, что униаты, совращенные въ латинство, должны были возвращаться въ унию. Хотя въ дѣйствительности только не большая часть ихъ возвратилась, но все таки ободрено было униатское духовенство къ борьбѣ съ латинянами, а латинскіе ксендзы, видя, что Государь защищаетъ униатовъ, не поднимали уже такъ смѣло своихъ рукъ на похищеніе униатскихъ душъ. О. Іосифъ Сѣмашко, хотя былъ тогда только протоіереемъ, но не ослабѣвалъ въ усердіи спасать униатское стадо и часто боролся не только съ врагами его, но и съ податливостью добраго русскаго правительства, доказывая вредъ, происходящій отъ такой податливости.

Удивительная была дѣятельность протоіерея І. Сѣмашки, можно сказать даже невѣроятная, превосходящая повидимому человѣческія силы. Онъ пишетъ самъ о себѣ, что во время двухъ лѣтъ 1828 и 1829 такъ исхудалъ при постоянномъ трудѣ, что высматривалъ до того больнымъ, что всѣ видѣвшіе его, когда онъ произведетъ

былъ въ епископы, говорили: «напрасно его посвящаютъ, ему жить не долго». Но въ продолженіи тѣхъ двухъ лѣтъ вышло изъ подъ его пера и его неутомимыми заботами 20 распоряженій очень полезныхъ для несчастной, прежде всѣми гонимой, униатской церкви.

Заботами его исполненіе всѣхъ такихъ распоряженій шло быстро, старый митрополитъ Булгакъ не могъ противудѣйствовать, душою возрожденія униі къ православію въ Петербургѣ былъ одинъ протоіерей Іосифъ. Епископъ Мартусевичъ хитро маневрировалъ, но не успѣвалъ въ противодѣйствіи. Бѣлое духовенство ободрилось и загорѣло ревностью, базилиане враждовали, но безъ успѣха, нѣкоторые переходили въ латинство.

Между бумагами переведеннаго въ Петербургъ митрополитчаго архива найдена подлинная булла папы Климента VIII о принятіи подъ свою власть униатовъ. Какія тамъ были въ ней обѣщанія, а какая ужасная была дѣйствительность! Отъ униі остались только развалины, ее поглотило ненасытимое папство. Булла вручена была министромъ Блудовымъ Государю.

Въ Римѣ находилась церковь св. Сергія и Ваха на глазахъ же римскихъ папъ, гдѣ пребывалъ прокураторъ т. е. повѣренный базилианъ съ нѣсколькими монахами. По случаю смерти прокуратора долженъ былъ быть избранъ ему преемникъ, но протоіерей Сѣмашко не допустилъ этого вреднаго для униатовъ замѣщенія.

Онъ перевелъ сочиненіе митрополита Московскаго Филарета «*Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о Православіи греко-россійскій восточный церкви*», которое произвело самое лучшее впечатлѣніе на униатское духовенство и народъ. Но книжка та издана была не подъ его именемъ, чтобы не вызвала вражды, потому что протоіерей Сѣмашко все такіе еще считался униатомъ.

Въ Августѣ 1827 года умеръ архіепископъ Красовскій, а митрополитъ Булгакъ былъ уже 70 лѣтъ. Прочіе епископы были тоже старые, слабаго здоровья и мало способны. Въ 1829 г. назначилъ Государь Императоръ протоіерея Іосифа Сѣмашку викарнымъ епископомъ и предсѣдателемъ консисторіи гр. униатской бѣлорусской епархіи съ наименованіемъ епископомъ Мстиславскимъ и съ правомъ присутствованія въ коллегіи въ Петербургѣ. Посвященіе послѣдовало 8-го Августа того же года митрополитомъ Булгакомъ, епископомъ Мартусевичемъ и катол. епископомъ Гедройцемъ въ римско-католической церкви св. Екатерины. Это было для посвящаемаго ужасно тягостно, за то онъ принесъ присягу вѣрности папѣ съ пропускомъ *необходимъ съ его совѣстью* мѣстъ. Послѣ по-

священія онъ представился съ посвятившими его Государю, который пожаловалъ ему облаченіе по формѣ православныхъ и митру такую же, какъ для митрополита. Іосифъ завѣщаль положить его въ томъ облаченіи въ гробъ, что и исполнено. Ему пожаловалъ Государь, смотря на большія его заслуги, и нѣскольکو высокоихъ орденовъ. Но не ради наградъ, которыя онъ принималъ съ благодарностью, а по совѣсти своей онъ продолжалъ свой полезный трудъ вмѣстѣ съ неусыпающею дѣятельностью, не отступая ни передъ какимъ препятствіемъ какъ со стороны враговъ, такъ и со стороны своихъ русскихъ, не понимавшихъ всей важности его спасительныхъ мѣропріятій и трудовъ.

Въ 1833 г. апрѣля 2 дня онъ назначенъ былъ Государемъ Императоромъ литовскимъ епископомъ. Тогда желалъ онъ присоединиться къ православной церкви, писалъ просьбу объ этомъ въ Святѣйшій Синодъ, но по важнымъ причинамъ желаніе его не сбылось. За то получилъ онъ увѣреніе отъ министра Блудова, что есть полная надежда на лучшее устройство униатскаго дѣла.

Вскорѣ онъ отправился по Высочайшему повелѣнію въ Бѣлорусію для осмотра Литовской епархіи, семинарій и училищъ Литовской и Полоцкой епархій. Осмотръ продолжался съ іюня мѣсяца по октябрь и произвелъ на духовенство и народъ самое плодотворное дѣйствіе.

Епископъ Іосифъ желалъ обезпечить хотя медленное, но вѣрное обращеніе униатовъ въ православіе и задумалъ поставить униатское дѣло и коллегію подъ власть Святѣйшаго Синода, но это тогда не нашло надлежащей поддержки. Рѣшено было вмѣсто того обновить высшую униатскую іерархію, — назначены были, по указанію Іосифа, три епископа, именно: Василій Лужинскій бѣлорусскимъ, а Антоній Зубко и Жарскій литовскими викарными епископами. Посвященіе ихъ совершилось въ 1834 г.; посвящали же ихъ въ Петербургѣ престарѣлый митрополитъ Булгакъ, еп. Іосифъ Стѣмашко и латинскій епископъ Павловскій.

Тогда же всѣ униатскіе епископы составили соборъ и на немъ, по предложенію Іосифа, принята была очень важная мѣра для возстановленія греко-восточной обрядности. Для этого прежде всего нужно было издать новый кругъ церковныхъ книгъ. Но такъ какъ это требовало большихъ средствъ и много времени, то Іосифъ предложилъ принять въ руководство на первый разъ служебникъ, книгу молебныхъ пѣній и, гдѣ можно, приобрѣсть евангеліе московской печати. Въ тоже время онъ испросилъ по 5000 руб.

пособія на каждую епархію для постройки иконостасовъ въ бѣднѣйшихъ приходахъ и вообще предложилъ заняться повсемѣстнымъ ихъ введеніемъ. Святѣйшій Синодъ назначилъ для уніатскихъ церквей 1500 служебниковъ и другихъ книгъ.

Въ томъ же 1834 г. объѣхалъ еп. Іосифъ опять уніатскія епархіи и увидѣлъ, что все идетъ къ лучшему. Духовенство начало уже дѣйствовать въ хорошемъ направленіи, оживилась любовь къ православнои обрядности, многіе служили уже усердно по новымъ московскимъ литургіконамъ и другимъ книгамъ, прежде строго запрещеннымъ и огню предаваемымъ, оживилась и борьба съ латинствомъ. Все это доставило ему не мало радости, но не мало было и противодѣйствія со стороны латинянъ. Были недоразумѣнія и со стороны православныхъ. Многіе предпочитали частное обращеніе общему присоединенію. Возсоединеніе замедлялось и затруднялось.

Такое положеніе уніатской церкви было для епископа Іосифа очень тяжелымъ. Затрудненія на каждомъ шагу утомили его бодрый духъ до того, что онъ рѣшился самъ присоединиться къ православнои церкви, а все прочее оставить Божьему промыслу. Онъ написалъ прошеніе въ Святѣйшій Синодъ о присоединеніи его. Въ то время Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода былъ графъ Протасовъ. Онъ потребовалъ именемъ Государя изложенія причинъ рѣшимости епископа Іосифа отойти отъ дѣла, которыя онъ изложилъ въ запискѣ. Записка имѣла полный успѣхъ. Дѣла уніатской церкви вслѣдствіе Высочайшаго указа перешли въ вѣдѣніе Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода и съ началомъ 1837 года эта важная мѣра совершилась.

Такъ приближалось дѣло къ развязкѣ.

Но самое трудное дѣло было въ недостаткѣ хорошихъ священниковъ. Въ прежнее время большинство ихъ были люди необразованные; не мало было и дурныхъ.

Для устранения послѣднихъ священниковъ отъ дѣлъ, епископъ сократилъ маленькіе приходы, священники которыхъ причислены были за штатъ, за то большіе приходы замѣщаемы были хорошими духовными. Изъ 800 приходовъ закрыто было больше 130. Такимъ же способомъ упразднялъ онъ и меньшіе монастыри и принималъ въ большіе монаховъ изъ южно-русскихъ губерній, у которыхъ была и лучшая дисциплина и русскій православный духъ, не такъ, какъ въ Литвѣ, гдѣ монастыри издавна кишѣли монахами изъ латинянъ. Южно-русскіе монахи принесли боль-

шую пользу и тѣмъ, что отлично понимали православную обрядность и были способны обучать ей другихъ.

Какъ глубоко пала восточная обрядность въ униі, видно изъ того, что въ числѣ 800 церквей литовской епархіи было только 80 съ иконостасами, значить $\frac{1}{10}$. Это все нужно было устроить до воссоединенія. Дѣло пошло не безъ затрудненій, но пошло, и постепенно всѣ церкви снабжены были иконостасами. Тогдашнее униатское духовенство почти не знало восточной обрядности; до того было все искажено латинствомъ. Когда разосланы были московскіе служебники, многіе священники отказывались служить по нимъ, по большей части потому, что имъ еще нужно было учиться и вводить что-то новое. Преосвященный Іосифъ при осмотрѣ епархіи поучалъ самъ священниковъ и поощрялъ къ изученію истиннаго восточнаго Богослуженія. Задача та была не легкая, такъ какъ епископъ убѣдился, что нѣкоторые униатскіе священники плохо читаютъ славянскую грамоту, а о правильномъ произношеніи словъ нечего и говорить.

Но все побѣдила энергія святителя, и московскіе служебники пошли въ ходъ повсемѣстно.

Удивлялись враги православія, какъ преобразовалось духовенство изъ крайне фанатическихъ, крайне невѣжественныхъ по части обрядности униатовъ въ такихъ, которые начинали уже понимать, гдѣ истина, гдѣ ложь, гдѣ порядокъ, гдѣ нестроеніе, гдѣ свѣтъ, гдѣ тьма. Епископъ Іосифъ умѣлымъ своимъ обращеніемъ съ такими людьми и желѣзною справедливостью во всѣхъ своихъ словахъ и дѣлахъ вызывалъ любовь и высокое уваженіе—въ однихъ, у другихъ страхъ. Онъ не любилъ несправедливыхъ доносовъ, но каждый могъ къ нему обращаться, какъ къ отцу. Строгій къ неисполняющимъ своихъ должностей, онъ былъ кротокъ и доброжелателемъ ко всѣмъ своимъ подчиненнымъ, требующимъ у него совѣта или поддержки. Обладалъ онъ необычайнымъ мужествомъ въ самыя трудныя минуты своей жизни. Самъ онъ взялъ на себя все бремя ненависти могущественныхъ тогда поляковъ и не уступалъ ни на шагъ, не входилъ съ ними ни въ какія сдѣлки. Всѣ удивлялись его смѣлости, съ которой онъ развѣзжалъ по епархіи, когда нельзя было положиться и на иныхъ священниковъ, такъ какъ они проникнуты были польской враждой; но онъ вездѣ являлся неустрашимымъ и безъ всякихъ предосторожностей. Рассѣвались по Вильнѣ слухи, что всѣхъ православныхъ поляки перерѣжутъ во время ихъ праздниковъ, но онъ не обращалъ на

нихъ даже вниманія. Другой разъ угрожали взорвать на воздухъ кафедральный соборъ при посвященіи его. Всѣ, даже генералъ, со страхомъ шли въ соборъ; но епископъ Сѣмашко спокойно совершилъ богослуженіе, какъ будто ничего не было. Такъ глубоко онъ вѣрилъ въ Божій Промыслъ, что безъ Его воли ничего ему непріятнаго сдѣлаться не можетъ, такъ какъ считалъ себя орудіемъ въ рукахъ Божіаго Промысла для совершенія начатаго святаго дѣла. Иногда и темный народъ съ духовенствомъ роптали и возставали на него, наприм. при устраненіи органовъ изъ церквей, но не смотря на всякіе препятствія дѣло кончилось тѣмъ, что въ 1836 г. не было уже въ цѣлой епархіи ни одного органа. Въмѣсто того заведено въ Жировицахъ при семинаріи училище для образованія дьячковъ; въ семинаріяхъ тоже усилено обученіе церковному пѣнію. Онъ давалъ новопосвященнымъ священникамъ грамоты не на польскомъ или латинскомъ языкахъ, какъ прежде было, а на церковно-славянскомъ, и принималъ отъ нихъ присягу не на вѣрность папѣ, а на вѣрность Государю. Все дѣлопроизводство въ консисторіи онъ устроилъ на русскомъ языкѣ, а въ 1836 году приказано было вести на русскомъ языкѣ и метрическія книги.

Сколько при всемъ этомъ было заботъ, какую массу дѣлъ приходилось писать, какимъ бдительнымъ духомъ надобно было владѣть, чтобы посѣянное доброе сѣмя не попало на камень или въ терніе, а прозябло и росло, о томъ свидѣтельствуютъ записки покойнаго великаго Литовскаго святителя со всѣми приложеніями, возбуждающими въ читающихъ ихъ не малое удивленіе.

Дѣло уніатской церкви укрѣплялось и возрастало. Старые священники обучались служить по московскому служебнику, молодые, вышедшіе изъ семинаріи, являлись уже хорошими дѣятелями въ вероградѣ Господнемъ, церкви снабжались книгами, облаченіями, перестраивались и строились новыя уже по образцу восточному, словомъ, все было подготовлено, все дожидалось рѣшительнаго слова, къ произнесенію котораго близилось время.

Въ 1838 г. умеръ въ Петербургѣ митрополитъ Булгакъ на 80 году жизни. Тѣло его похоронено недалеко отъ Петербурга въ Сергіевской пустыни, а не на католическомъ кладбищѣ. Погребеніе совершалъ преосв. Лужинскій, бывший тогда въ Петербургѣ. Скоро скончался и Иосифъ Жарскій, викарный Бѣлорусскій епископъ, который пропитанъ былъ польщиной и латинствомъ, и

послѣ смерти котораго найдена была на столѣ бумага, что онъ не причастенъ всѣмъ дѣйствіямъ по уніатской церкви.

Такъ устранило само время два бывшихъ препятствія къ соединенію. Остались надежные дѣятели Антоній Зубко и Василій Лужинскій, преданные епископу Іосифу и дѣлу православія.

Латиняне предчувствовали приближающуюся для нихъ катастрофу. Всѣми силами лихорадочно они совращали уніатовъ, гдѣ и какъ могли, и устраивали миссіи, ловя рыбу въ мутной водѣ. Папы не жалѣли денегъ на постройку часовень и церквей, чтобы только обратить сердца народа къ себѣ. Имъ помогали отпущенные изъ монастырей базилиане польскаго происхожденія, которые дозволяли себѣ разныя дерзости, и не щадили лжи. Такъ управляющій Виленской епархіей Микудній пустилъ письменную публикацію, что Государь повелѣлъ уніатамъ, принявшимъ латинство, въ немъ оставаться. Противъ всего этого нужно было предпринимать дѣйствительныя мѣры, и на святителя Іосифа свалилось огромное бремя труда и заботъ, подрывавшее его физическія силы, и хотя въ Петербургѣ была поддержка благимъ намѣреніямъ святителя, но уенѣвали и враги пробираться туда съ жалобами на притѣсненіе совѣти уніатовъ и съ выраженіемъ по этому поводу опасеній. Преосвященный Іосифъ не замедлил пояснить все дѣло. Правительство наконецъ рѣшилось кончить дѣло уніи для пользы церкви, имперіи и уніатскаго народа.

Насталъ 1839 годъ, принопамятный, вѣнчавшій всѣ труды великаго святителя желаннымъ успѣхомъ. 12 Февраля, въ недѣлю православія, подписанъ въ Полоцкѣ актъ воссоединенія уніатовъ съ православною церковью, вмѣстѣ съ двумя просьбами на имя Государя Императора. Вотъ что писалъ тогда епископъ Іосифъ, отъ 26 Февраля, Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода Графу Протасову:

«Слава во вышнихъ Богу! Благое дѣло довершается. Въ 12 день настоящаго Февраля мѣсяца, въ недѣлю православія, подписанъ окончательно всѣми Греко-Уніатскими епископами и начальствующимъ духовенствомъ соборный актъ о восприсоединеніи Уніатовъ къ Православной Греко-Восточной Каеолической Церкви. Въ сей день служилъ я торжественно въ Полоцкомъ Софійскомъ каедральномъ соборѣ и причастилъ лично какъ наставниковъ и воспитанниковъ семинаріи, такъ и довольно значительное число прихожанъ. Во время служенія, вмѣсто папы, поминалъ я: всѣхъ Православныхъ патріарховъ, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ.

Послѣ литургіи, отслуженъ мною, вмѣстѣ съ Преосвященными Василиемъ и Антоніемъ, благодарственный молебенъ о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всей Августѣйшей Фамиліи (Записки Іосифа Митрополита Литовскаго т. I стр. 117).

Государь повелѣлъ Святѣйшему Синоду положить сообразное съ правилами св. Православной Церкви постановленіе. Постановленіе сдѣлано Святѣйшимъ Синодомъ въ 23 день Марта, а въ 25 день въ праздникъ Благовѣщенія Господня, послѣдовало Высочайшее оного утвержденіе словами: «*Благодарю Бога и принимаю*». 30 Марта преосвященный Іосифъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа, Святѣйшимъ Синодомъ вручена ему была особая синодальная грамота возсоединнымъ епископамъ съ паствою, дано братское лобзаніе всѣхъ синодальныхъ членовъ, и совершено въ синодальной церкви благодарственное молебствіе, тамъ же принесена Высокопреосвященнымъ и архіепископская присяга.

Въ вѣчную память возсоединенія униатовъ выбита была особая медаль. На одной сторонѣ ея ликъ Спасителя на убрусѣ съ надписью сверху: «Такова имама первосвященника» Евр. VIII, 1., а внизу: отторженные насиліемъ (1595), возсоединены любовію (1839); на обратной сторонѣ: восьмиконечный крестъ въ лучахъ съ надписью вверху: «Торжество Православія» и внизу: «25 Марта 1839».

Вотъ и прошло съ тѣхъ поръ 50 лѣтъ. По милости Божіей православіе утвердилось, и многіе не по своей винѣ заблудшіе обратились на путь истины.

Высокопреосвященный Іосифъ, совершивъ такое великое дѣло, стоившее ему такихъ неимовѣрныхъ трудовъ и заботъ, просился на покой. Ему не нужно уже было больше заслугъ, чѣмъ положенныя имъ во славу Божію и православія, онъ желалъ видѣть на своемъ мѣстѣ младшія, свѣжія еще силы, чтобы продолжать начатое имъ зданіе, самъ же онъ мечталъ о домикѣ съ садикомъ, гдѣ бы онъ беззаботно могъ заниматься любимымъ своимъ занятіемъ во время отдыха, своими книгами и святыми молитвами; но не пришлось ему отдохнуть. Дѣло совершенное было еще слишкомъ свѣжее, враги не дремали, а усугубили свою дѣятельность. Много еще нужно было положить трудовъ, и только постепенно успокоились возбужденные умы и многіе изъ заблудшихъ возвратились съ раскаяніемъ.

Желаніе архіепископа жить на старости лѣтъ сельскою жизнью исполнилось отчасти только въ 1846 г. Ему отведенъ былъ бывшій,

1862 года уже закрытый, латинскій монастырь тринитаріевъ съ прилежащими угодіями, занятыми казною. На постройку его назначено было двадцать четыре тысячи рублей, и Владыка великолѣпно все отстроилъ и украсилъ, и засадилъ садъ, въ которомъ было двѣ тысячи однихъ плодовыхъ деревьевъ. Наслаждаясь природой, онъ не забывалъ о своей паствѣ и устроилъ все такъ, чтобы православіе было обезпечено отъ волковъ въ овчїихъ кожахъ и отъ всякаго вѣтра лжеученія.

Празднѹя пятидесятилѣтіе возсоединенія литовско-русскаго народа съ праотеческою его церковью, нельзя не прославлять памяти сего великаго святителя, тѣло котораго почиваетъ въ Вильнѣ въ Св. Духовскомъ монастырѣ при мощахъ свв. виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія.

Молимся Богу, просвѣтившему насъ свѣтомъ истинной апостольской православной вѣры, чтобы открылъ этотъ свѣтъ и тѣмъ нашимъ братьямъ, которые пребываютъ еще въ рабствѣ лжеученія и упорствуютъ въ немъ, слушаясь незваныхъ пропагандистовъ, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ еще приходахъ Подлясья, и далъ бы крѣпость духа тѣмъ нашимъ братьямъ, которые живутъ за предѣлами нашей Имперіи уніатами по неволѣ и пламенно желаютъ увидѣть день возсоединенія, подобный дню 25 Марта 1839 года въ предѣлахъ русскаго края на ея окраинахъ.

Слава во вышнихъ Богу! Этими словами началъ великій святитель Іосифъ Сѣмашко свой докладъ о совершившемся уже при готовленіи литовско-русскаго края къ возсоединеніи уніатовъ съ восточно-православной церковью. Эти святые слова вырываются изъ глубины сердца каждаго благочестиваго русскаго человѣка по случаю настоящаго праздника.

Вы, не многіе старые люди, бывшіе до 1839 года еще уніатами, опутанными лестью латинской пропаганды, и вы дѣти и внуки возсоединившихся тогда вашихъ покойныхъ уже большею частію отцевъ и матерей, восхвалите во вышнихъ Бога, и возблагодарите Его отъ всего сердца вашего, что послалъ вамъ святителя Іосифа, мужа свѣтлаго и праведнаго, снялъ съ васъ наложенное на вашу землю иго латинскаго рабства, подъ которымъ стонала ваша церковь, ограбленная и опозоренная, приведенная къ крайнему униженію и нищетѣ, служившая безсознательно только средствомъ для возвеличенія и укрѣпленія зашедшихъ на нашу родину иноплеменниковъ, стремившихся къ совершенному уничтоженію нашей русскаго церкви.

И вы, отцы которыхъ прельщенные врагами истины въ темнотѣ своей не знали, что дѣлають, которые, отрицаясь родной своей матери, пошли въ службу чужой, гордой госпожи, прочтите все это, что здѣсь написано, и раздумайте: лучше ли быть вамъ врагами прародительской вашей церкви, или вѣрными ея дѣтьми? Лучше ли вамъ служить рабами чужихъ, чѣмъ быть хозяевами въ своемъ собственномъ домѣ? Лучше ли вамъ слушаться всякаго вѣтра лжеученія нахальныхъ лжеучителей, стремящихся къ пагубнымъ для васъ политическимъ цѣлямъ, или быть членами той самой святой апостольской церкви, въ которую крестились ваши предки 900 лѣтъ тому назадъ при равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, и исповѣдывать вѣру, которую исповѣдуетъ русскій Царь, вмѣстѣ съ 80 милліонами русскихъ людей? Подумайте, не пора ли вамъ, теперь свободнымъ отъ стараго ига барщины, сбросить и духовное иго чужой вѣры и возвратиться къ своимъ братьямъ, отъ которыхъ отстали ваши предки, прельщенные или измученные гоненіями? Возвращаясь къ вѣрѣ вашихъ отцовъ, за которую они страдали и даже кровь проливали, вы исполнили бы тѣмъ долгъ къ ихъ священной памяти и души ихъ возрадовалисьбы, видя васъ, плоть и кровь ихъ, соединенными съ ними вѣрою и любовью. Пойдите на ихъ могилы, на кладбища, на эти старыя могилы, гдѣ почивають ихъ кости, и помните, что они были православными, и въ правой вѣрѣ и благочестіи спасались въ животѣ своемъ, яко вѣрныя чада восточной истинно каѳолической, т. е. соборной, церкви, и помолитесь о нихъ и скажите: не хотимъ служить лжи, не можемъ проклинать васъ, какъ схизматиковъ, по ученію тѣхъ, которые васъ проклинають и злословятъ вашу память.

И должны вы знать, дорогіе братья, что вѣра отцевъ вашихъ, православная, дѣйствительно *правая* вѣра, вѣра насажденная апостолами и утвержденная святыми отцами первыхъ семи вселенскихъ соборовъ. Это такая вѣра, которая была тогда, въ первыя вѣка, единою вездѣ, и на востокъ и на западѣ, которую мы исповѣдуемъ въ символѣ вѣры. При ней остались мы, православные, не измѣнивъ ей ни въ чемъ. Поэтому и исповѣдуемъ мы, что вѣруемъ: «во едину святую, соборную и апостольскую церковь».

Но не такъ учили тѣ, которые намъ навязывали унию. По ихъ ученію истинною Христовою церковью есть только *римская* церковь. Она будто солнце, и отъ ней только, а не отъ Христа, Основателя и Главы ея, нашъ востокъ долженъ получать свѣтъ и теплоту, какъ земля и луна отъ солнца.

Такъ ли учили Христось? Такъ ли учили апостолы? Такъ ли учили святые отцы? Написано ли въ евангеліи, что Божественный Спаситель нашъ привязалъ спасеніе рода человѣческаго къ одному городу Риму, къ одному святителю этого города? Написано ли это въ посланіяхъ святыхъ апостоловъ, и прежде всего въ посланіи Апостола Павла къ Римлянамъ, что именно ихъ городъ долженъ быть средоточіемъ всего христіанскаго міра и епископъ его имѣть власть надъ епископами всего міра? Нѣтъ! Объ этомъ не написано ни слова. И послѣ апостоловъ прошло восемь столѣтій, и церковь Христова собиралась на семи вселенскихъ соборахъ, и ни на одномъ изъ нихъ не опредѣлили святые отцы, что только *одинъ* патріархъ западной Римской церкви есть *Глава* ея, и имѣетъ власть надъ всѣми другими патріархами и епископами. Они и не могли ничего подобнаго опредѣлить, потому что этого не установили апостолы въ своихъ писаніяхъ и правилахъ вѣры и *главенства* римскихъ епископовъ въ первоначальной церкви Христовой никогда не было. Они, святые отцы, разъ на всегда установили на второмъ вселенскомъ соборѣ, что церковь святая апостольская есть *соборная*, которой управляютъ соборы, а патріархи и епископы суть только исполнители опредѣленій соборовъ. Если бы такъ не было, а дѣйствительно первоначальная церковь признавала бы главенство римскихъ папъ, то святые отцы это ученіе непременно выразили бы въ сѣмволѣ вѣры, и непременно такъ: «во единую святую соборную и апостольскую церковь *подъ главенствомъ римскаго папы*». Тогда не было бы никакого сомнѣнія, никакихъ споровъ, всѣ должны бы такъ, а не иначе вѣрить. Но вы знаете, что въ сѣмволѣ ни о Римѣ, ни о римскомъ папѣ, ни объ его главенствѣ нѣтъ ни слова; значить: святые отцы всѣхъ семи вселенскихъ соборовъ не вѣрили въ главенство римскаго папы, не вѣрила въ него наша восточная церковь никогда, не вѣрила даже и западная до половины девятаго столѣтія, пока папа Николай I въ гордости своей не навязалъ насиліемъ западной церкви своего главенства, какъ намъ навязали іезуиты и ополяченная наша «шляхта» унию; папа навязалъ это главенство для утвержденія своей власти надъ церквами запада, а іезуиты и шляхта навязали нашимъ отцамъ унию для утвержденія въ русско-литовскихъ краяхъ польскаго духа, чтобы упрочить бывшую польскую такъ называемую республику.

Но чтобы неученымъ, а лишь вѣрующимъ всему доказать главенство папы, неизвѣстное въ старину, проповѣдники рим-

ской вѣры пустились на разныя хитрости. Они такъ учили и учатъ:

1) Въ 10-той главѣ евангелія Матѳея ст. 2. написано: «Дванадесятихъ же апостоловъ имена суть сія: *первый* Симонъ, иже нарицается Петръ, и Андрей братъ его, *Иаковъ Заведеевъ*» и пр. Вотъ говорятъ они: евангелистъ назвалъ Петра *первымъ*, а такъ какъ Петръ умеръ въ Римѣ, то и преемникъ его, римскій папа, есть *первый* между преемниками апостоловъ, т. е. онъ старшій надъ всѣми епископами; слѣдовательно, онъ имѣетъ власть надъ другими епископами и надъ всею церковью.

На это мы отвѣчаемъ: ежели евангелистъ Матѳеи пишетъ имена всѣхъ 12-ти апостоловъ, то въ его перечисленіи непременно долженъ былъ быть одинъ первый и одинъ послѣдній. Мы почитаемъ апостола Петра *верховнымъ* апостоломъ за его твердую вѣру и его заслуги для церкви Христовой, но церковь святая, почитающая его память, празднуетъ ее *вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ*, а не отдѣльно, потому что признаетъ вѣру и заслуги Павла, не бывшаго даже въ числѣ двюнадесяти апостоловъ, *не менѣ великими*, какъ и Петра, и называетъ ихъ двоицею и *равную* похвалу имъ воздаетъ. О власти же Петра надъ другими апостолами нѣтъ и помину въ священномъ писаніи, а Христосъ училъ апостоловъ не только не искать власти, но напротивъ, когда ученики вопрошали его, кто есть большій въ царствѣ небесномъ, Онъ поставилъ имъ въ примѣръ дитя и сказалъ, что тотъ, *«кто смирится яко отроча сіе, той есть болій въ царствѣи небесномъ»* (Матѳ. 18, 1—4). И апостоль Петръ во всю свою жизнь никогда не присвоилъ себѣ никакой власти надъ другими апостолами, не давалъ имъ никакихъ повелѣній, а напротивъ принималъ даже и укоризну отъ другихъ апостоловъ въ духѣ братской любви. Читайте его оба посланія. Если бы онъ считалъ себя *главою апостоловъ* по повелѣнію Господнему, онъ бы смѣло это написалъ, да это и нужно было бы, чтобы всѣ христіане знали, что у него дѣйствительно самая большая власть, что онъ дѣйствительно глава церкви. Но объ этомъ онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ, а считаетъ себя равнымъ всѣмъ другимъ апостоламъ, да еще онъ и превозноситъ Павла, не бывшаго, какъ уже выше сказано, въ числѣ двюнадесяти апостоловъ и обратившагося изъ фарисейства уже позже. Вотъ такъ начинаетъ апостоль Петръ свои посланія:

Первое: *«Петръ Апостолъ Иисусъ Христовъ, избраннымъ пришельцамъ разсѣяннѣи Понта, Галатіи, Каппадокии, Асіи и Вифиніи.»*

Онъ не пишетъ, что онъ «первый», «старѣйшій» всѣхъ, что онъ «глава»; онъ не пишетъ даже о Римѣ ни слова, а только къ христіанамъ, крестившимся въ Азіи изъ іудеевъ (пришельцевъ).

Второе посланіе: «*Симонъ Петръ рабъ и посланникъ Іисусъ Христовъ, равночестную съ нами получившимъ вѣру въ правду Бога и Спаса Іисуса Христа*» и пр.

Опять ни слова о первенствѣ, главенствѣ и пр. А въ концѣ 3-й главы (ст. 15, 16) онъ превозноситъ премудрость возлюбленнаго брата Павла, указывая на его посланія. Онъ не назначаетъ себѣ преемника, хотя предсказываетъ свою близкую кончину. Апостоль Петръ не только не пользовался никакою властью надъ другими апостолами, но еще и повиновался имъ. Такъ собранные въ Іерусалимѣ апостолы, услышавъ, что въ Самаріи принимаютъ Христово ученіе, послали туда Петра и Іоанна, помолившись надъ ними «*яко да приимутъ Духа Святаго*» (Дѣянія 8, 14). Апостоль Петръ давалъ предъ другими апостолами отчетъ о своихъ дѣянїяхъ и оправдывался, какъ напр. въ томъ, что онъ обращалъ не только іудеевъ, но и язычниковъ, и съ ними ѣлъ (Дѣянія 11, 3. 4). Онъ даже принималъ укоризну отъ апостола Павла въ Антіохіи (Галат. 2. 11, 16); а этого быть не могло, если бы онъ былъ главою, повелителемъ и распорядителемъ, которому не могли бы другіе апостолы давать распоряженій или наставленій, посылать его на проповѣдь и требовать отъ него отчета, и дѣлать объ его дѣйствїяхъ замѣчанія. Слѣдовательно, главенство папы не можетъ быть доказано изъ священнаго писанія, ученіе о немъ не извѣстно было христіанамъ первыхъ вѣковъ, а выдуманно позже, и отъ него вышло ужасное зло для церкви Христовой: оно стало причиной ненависти, гоненій христіанъ христіанами и соблазномъ для жидовъ и язычниковъ.

2) Но самое главное, на чемъ основываютъ римскіе католики главенство папы, это текстъ изъ евангелія отъ Матѳея гл. 16, ст. 17—20. Этотъ текстъ мы разберемъ подробно и пояснимъ его смыслъ, потому что онъ служитъ будто самымъ сильнымъ оружіемъ папистовъ.

Іисусъ Христъ, пришедши съ учениками въ страну Кесаріи Филипповой, спрашивалъ апостоловъ: «*кого мя глаголютъ человецы быти сына человеческого?*» Они сказали: «*Ови убо Іоанна Крестителя, инии же Ілію, друзїи же Іеремію или единаго отъ пророкъ*». Іисусъ спросилъ ихъ: «*вы же кого мя глаголете быти?*» На это отвѣщаль Петръ: «*Ты еси Христъ, Сынъ Бога живаго*». Іисусъ отвѣщаль ему: «*Блаженъ еси Симоне варъ Іона (сынъ Іоны), яко плоть и кровь не яви тебѣ (того что ты сказалъ, что Іисусъ есть*

Христосъ, Сынъ Бога живаго), но Отецъ Мой, иже на небесѣхъ. И азъ же тебѣ глаголю, яко ты еси¹ Петръ, и на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей. И дамъ ти ключи царства небеснаго, и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ, и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ». Этотъ текстъ читали первые христіане, читали святые отцы вселенскихъ соборовъ, но не признавали они ни главенства папы, ни его власти надъ вселенскою церковью. А это потому, что они право понимали смыслъ этихъ словъ, какъ понимаетъ ихъ до сихъ поръ восточная православная церковь. Святые отцы знали, что эти слова сказаны Иисусомъ Петру за твердость его вѣры, выраженную словами: «Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго»; Иисусъ за то назвалъ Сумона Петромъ, т. е. камнемъ, значитъ: камнемъ вѣры. Но такая вѣра была не только у Петра; она была и у другихъ апостоловъ, потому Христосъ сказалъ такія же слова и всѣмъ апостоламъ, всѣмъ имъ сказалъ: аминь бо глаголю вамъ, елика аще свяжете на земли, будутъ связаны на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшены на небесѣхъ». (Матѣ. 18, 18). Святые отцы объясняютъ, какой это камень, именно, что это тотъ камень вѣры, который Петръ исповѣдалъ, т. е. Самъ Иисусъ Христосъ, что на Немъ стоитъ церковь, или: на вѣрѣ въ Него, Спасителя нашего, а не на плоти и крови Петра, на которыхъ не могъ Христосъ строить церкви, въ которой Онъ обѣщавъ быть «до скончанія вѣка», которая по словамъ св. Апостола Павла «инаго основанія» имѣть не можетъ, «паче лежащаго, еже есть Иисусъ» (1 Кор. 3. 11.) и всѣ апостолы, какъ мы и читаемъ въ посланіи къ Ефесеемъ (2, 20), что вѣрующіе во Христа «наздани—на основаніи Апостолъ и пророкъ, сушу краеугольну (камню) самому Иисусу Христу (а не самому апостолу Петру и его преемникамъ въ Римѣ). Если же были и такіе святые отцы, которые слово «камень» относили къ апостолу Петру, что же изъ этого слѣдуетъ? Ничто другое, кромѣ того, что пишетъ св. Амвросій, что «на Петръ такъ основана церковь, какъ и на другихъ», а блаженный Иеронимъ пишетъ: «Ты говоришь, что на Петръ основана церковь, но тоже само въ другомъ мѣстѣ говорится и о другихъ апостолъ: сей домъ построенъ на основаніи Апостолъ и пророковъ». Такъ и о «ключахъ» пишетъ блаженный Августинъ: «Развѣ только Апостолъ Петръ получилъ ключи, а Павелъ не получилъ? Петръ получилъ, а Іаковъ, Іоаннъ и другіе Апостолы не получили? Гдѣ же эти ключи? Не въ церкви ли, гдѣ ежедневно отпускаются грѣхи?

Если бы было вѣрно, что только одинъ Петръ и его преемники, римскіе папы, получили такую власть отъ Христа, то какъ могло бы случиться, что христіанскій міръ не вѣрилъ въ эту власть въ продолженіе восьми вѣковъ, которую только въ 9-мъ столѣтіи присвоилъ себѣ папа Николай I, а за нимъ его преемники, и что споръ этотъ продолжается до сихъ поръ, и разрѣшить его такъ трудно? Если бы одни римскіе папы имѣли ключи *«взати и рѣшати»*, какъ могла бы существовать восточная церковь, не признавшая этой власти? А она существуетъ! И если вѣрно, что на римской церкви должны исполниться слова Спасителя, что *«врата ада не одолѣютъ ей»*, зачѣмъ же нужно было столько орудій мученія, столько горящихъ костровъ, столько кровопролитныхъ воинъ изъ-за папства, если оно неодолимо внутренней своей духовной силой? Какъ могло протестанство завладѣть цѣлыми большими державами, какъ могла сама Италія отнять у *своего* папы его мірское владѣніе и привести его къ такому печальному положенію, что онъ считаетъ себя въ настоящее время *«узникомъ»* итальянскаго, *имѣ же самимъ, проклятаго* короля, и думаетъ о томъ, не оставить ли ему Рима? Отъ чего же происходятъ эти всѣ жалобы папъ на притѣсненія, — кѣмъ? — не врагами, а самими католиками?

Все священное писаніе и исторія церкви доказываютъ, что приведенные нами тексты другое имѣютъ значеніе, и что римскіе папы должны были пускаться въ ходъ другія средства и весьма непохвальные, чтобы утвердиться въ своей власти. Если бы тѣ тексты были такъ ясны и неопровержимы, зачѣмъ бы папѣ Николаю I прибѣгать еще къ *«ложнымъ декреталиямъ Исидора»*, къ книгѣ несомнѣнно подложной? А именно на эту книгу сослался папа и на ней основалъ свою власть, хотя самые папы не въ состояніи доказать, что это была книга подлинная, а не сочиненная нарочно для обмана всего міра въ такое время, когда наука доступна была только не многимъ.

3) Защитники всемірной власти папъ ссылаются еще на другіе тексты, но кромѣ ложныхъ выводовъ ничего изъ нихъ не выводятъ. Такъ приводятъ они слова Іисуса: *«Симоне Ионинъ, любиши ли Мя паче сихъ? Глагола ему: ей Господи, Ты вси яко люблю Тя. Глагола ему: паси агныи моя. Глагола ему паки второе: Симоне Ионинъ, любиши ли Мя? Глагола ему: ей Господи, Ты вси, яко люблю Тя. Глагола ему: паси овцы моя. Глагола ему третіе: Симоне Ионинъ, любиши ли Мя? Оскорбѣ же Петръ, яко рече ему третіе: любиши ли Мя, и глагола ему: Господи, Ты вся вси, Ты вси, яко люблю*

Тя. Глагола ему Исусъ: паси овцы моя» Изъ этого текста они выводятъ, что разница между агнцами и овцами въ томъ состоитъ, что агнцы составляютъ стадо христіанское, а овцы пастырей, епископовъ, надъ которыми поставленъ Петръ, какъ верховный Пастырь, т. е. имѣющій пасту и стадо и пастырей. Но всякому легко понятно, что и агнцы и овцы составляютъ стадо, что подъ овцами Христосъ не могъ разумѣть пастырей епископовъ, и что между епископами и паствою не мыслима такая разница, какъ между овцею и человѣкомъ! Это уже верхъ гордости, къ которой не способенъ былъ ни Петръ, ни другіе апостолы, которые всѣ, не исключая и Петра, не иначе себя звали, какъ рабами Исусъ Христовыми, апостолами или посланниками, а вѣрующихъ называли братією, стадомъ, но нигдѣ не называлъ апостолъ Петръ другихъ апостоловъ овцами *своего* стада, ни себя княземъ апостоловъ, какъ называютъ его паписты (*princeps apostolorum*).

Къ чему всѣ такія мудрствованія? Развѣ Исусъ, если бы хотѣлъ дать Петру власть надъ всѣми апостолами, не сказалъ бы ясно: тебѣ Петръ должны покоряться всѣ, и другимъ апостоламъ сказалъ бы: слушайте его всѣ. Исусъ же сказалъ всѣмъ апостоламъ вмѣстѣ: *«слушай вась, Мене слушаетъ»* (Луки 10, 16), т. е. вась *всѣхъ* вмѣстѣ и каждого отдѣльно. Всѣ вы равны.

Но зачѣмъ же, говорятъ паписты, Исусъ трижды сказалъ Петру, что онъ долженъ пасту его агнцевъ и овецъ? На это даетъ отвѣтъ св. Іоаннъ Златоустый. *«Трижды»* говоритъ онъ *«вспоминаетъ Господь Петра и трижды даетъ ту же заповѣдь, чтобы показать, какъ много должно заботиться о спасеніи овецъ»*. Прекрасно поясняетъ эти слова св. Григорій Богословъ къ еретику Новату: *«не пріемлешь того великаго Петра, съ которымъ случилось во время спасительной страсти нѣчто человѣческое? Но принявъ его Самъ Исусъ и трикратнымъ вопрошеніемъ и исповданіемъ не исцѣлился ли онъ отъ трикратнаго отреченія? Это естественно: послѣ троекратнаго отреченія, которое предсказалъ ему Исусъ, идя на смерть, Петръ палъ духомъ, плакался горько, не смѣлъ даже быть при распятіи Исуса; послѣ воскресенія Исуса нужны были эти вопросы Петру и возстановленіе Спасителемъ его апостольства, но это никакъ не было признаніемъ яко бы царской власти Петра въ церкви»*.

На такихъ и другихъ подобныхъ шаткихъ основаніяхъ построено было съ 9-го столѣтія папство, благодаря темнотѣ тогдашнихъ временъ и содѣйствію мірекой власти. Въ то самое время ясніли на востокѣ свѣтлыя звѣзды,—патріархъ Фотій въ

Царьградъ и Солунскіе братья просвѣтителѣ Славянъ Кирилль и Меодій. Заботами перваго проникнуть свѣтъ Христовъ въ предѣлы нашей русской земли. Солунскимъ братьямъ обязанъ весь славянскій востокъ своимъ духовнымъ возрожденіямъ, которое окончательно совершилось и на Руси при равноапостольномъ князѣ Владимірѣ. Исторія Руси не упоминаетъ ничего о кровавомъ введеніи у насъ ученія Спасителя. Лѣтописи упоминають только о двухъ мученикахъ, Θεодорѣ и Иоаннѣ тогда, когда на западѣ отъ имени римскихъ папъ дѣйствовали военные католическіе ордена, обращавшіе язычниковъ въ Пруссіи и въ прибалтійскихъ странахъ мечемъ и огнемъ, истребляя еретиковъ истинно адскими мученіями. Христіанство водворилось у насъ мирно. Нельзя не удивляться, что такой многочисленный народъ крестился безъ сопротивленія; нельзя не вѣрить, что дѣйствовала при томъ сила свыше. *Русь и восточная церковь сплотились въ одно цѣло.* Въ русской прославилась своимъ духомъ мира, кротости и смиренія. Ее уважали даже невѣрные, и въ томъ числѣ и татары, покорившіе нашу землю и грабившіе ее. Они не дерзали обижать нашей церкви и нашего духовенства, оставляя его въ покоѣ. Русь сбросила съ Божіей помощью татарское иго, но на западныхъ ея окраинахъ со временемъ пришлось ей отражать *другое*, духовное иго. О томъ читали вы уже выше и узнали, какое опустошеніе осталось послѣ введенія церковной уніи 1596 года. Древле-русскіе края превратились въ польскіе много мятежные лагеря; русскія церкви опустѣли и разрушились, чужина присвоила себѣ господство надъ умами и душами нашихъ людей, и они не разбирая, гдѣ истина, и гдѣ лъсть, шли туда, гдѣ болѣе блеска и шума!

Но всему есть свое время. Польша пала не столько отъ рукъ враговъ, сколько отъ собственной неурядицы и вражды противъ всего, что было русскаго и православнаго. Зло, посѣянное ею, осталось и дождалось рукъ, которыя должны были его искоренить. Явился мужъ, великій святитель Іосифъ, положившій начало добруму дѣлу возвращенія прельщенныхъ уніатовъ на лоно родной ихъ матери, православной церкви. Прошло 50 лѣтъ, и видны уже богатые плоды его неутомимыхъ трудовъ и въ другихъ странахъ. Уже и Холмъ воссоединился въ 1875 году, а Червоная Русь дожидается дня свободы, когда скажетъ свое громкое слово, и не далеко уже то время, когда вся Русь восхвалитъ Бога единѣми усты и единѣмъ сердцемъ!

